

ПРОЕКТ «КОРОЛИ»

Книга третья
Часть первая:
Знакомство с гномами

KingOfVolk Sapher

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли". Часть третья. 1

«Автор»

2026

Sapher K.

Проект "Короли". Часть третья. 1 / K. Sapher — «Автор», 2026

Николаус добирается до самого сердца владений Голдо — туда, где золото, древние механизмы и королевская варка превращают гномов в почти неостановимую армию. Камень Воскрешения уже внутри крепости, а где-то рядом скрывается третий Ключ Бездны. Вместе с Эйрой и Эллари 261-й ломает машины Голдо, проходит через новые ловушки и всё глубже спускается под Золотые холмы. Но под крепостью пробуждается нечто гораздо древнее самого Голдо — и становится ясно: война за золото была лишь ещё одной дверью к куда большей тайне. Обложка и картинки созданы в чате GPT.

© Sapher K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Шестьдесят первая глава	5
Шестьдесят вторая глава	23
Шестьдесят третья глава	33
Шестьдесят четвёртая глава	45
Шестьдесят пятая глава	73
Конец ознакомительного фрагмента.	96

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли". Книга третья. Часть 1

Шестьдесят первая глава

«Гномья деревня»

В прошлой части я вошёл в эльфийский лес за Обероном, а вышел из него совсем другим. Я видел, как ложный рай превращает грехи в живые ловушки, как сны становятся чудовищами, как союзники умирают не ради славы, а просто потому, что идут рядом. Я уничтожил корни Оберона, пережил его театр, забрал второй Ключ Бездны и понял слишком поздно: каждая моя победа не закрывала дверь, а открывала следующую.

Пока я выбирался из чужих кошмаров, Голдо уже тянул свои золотые руки к миру. Его гномы прорвали путь через мёртвые корни, «Альфа» вырвалась из арены и вскрыла тайник Мэлвина, а Камень Воскрешения ушёл к Краггу — прямо в сторону Золотых холмов. Гимбул пал у гномьего выхода, но перед смертью успел сказать главное: камень уже почти у Голдо. Значит, ждать больше было нельзя. Я оставил лес за спиной и пошёл туда, где начиналась земля гномов.

Выйдя из пещеры, я сначала не понял, что произошло.

За спиной ещё гудел красный тоннель Золотых холмов: там, внизу, камень дышал жаром, пахло мокрым железом, порохом и кровью Гимбула. А впереди, над самым краем горного уступа, лежала почти мирная земля. Трава была низкой и яркой, будто её каждое утро расчёсывали медными гребнями. Воздух казался свежим, холодным и чистым, но стоило вдохнуть глубже, как под этой свежестью проступал другой запах — уголь, смола, пивной перегар, нагретая руда и то странное сладкое золото, от которого у гномов, кажется, даже пыль блестела.

Гнарл вышел рядом со мной, опираясь на свой жезл. За ним из пещеры вытянулся наш малый отряд: несколько бурых в потрёпанных щитах, два зелёных разведчика, ещё недавно казавшиеся слишком шумными для войны, и красный старший с парой своих, которые шли

ниже, почти по камням, будто земля была для них стеной. После боя у гномьего выхода нас осталось не так много, чтобы я мог позволить себе ещё одну мясорубку. Но назад пути не было.

— Золотые холмы, хозяин, — тихо произнёс Гнарл. — Не сердце, нет. Сердце глубже. Это только кожа.

Кожа у этого места была обманчиво красивой.

С холма вниз уходила травяная тропинка, аккуратная, будто её проложили не ноги, а линейка. По обеим сторонам тропы стояли низкие медные фонари, погашенные днём, но всё равно тёплые на вид. Дальше тропа спускалась к маленькой деревне, врезанной в бок соседнего холма. Деревня была низкой, широкой, угловатой, словно все дома здесь строили не для людей, а для тех, кто боится лишней высоты, но любит толстые стены.

Над деревянными воротами висела табличка: «Гномелия».

Я остановился.

По сравнению с башней, эльфийским лесом, театром Оберона и лавовыми глубинами Мэлвина эта деревня выглядела почти смешно. Несколько каменных домов с деревянными крышами. Крошечная площадь. Колокол на железной раме. Кузница с низкой трубой. Склад у ворот. Рельсовая дорожка, уходящая за деревню и дальше — к тёмному горному провалу. Но чем дальше я смотрел, тем меньше это место казалось простым.

Гномелия была не деревней. Она была замком, который притворялся деревней.

Слева от ворот поднималась сторожевая башенка, не выше двух человеческих ростов, зато с узкими чёрными щелями. На крышах домов стояли странные деревянно-медные станки, похожие на большие арбалеты с трубами вместо ложа. Между домами тянулись тонкие провода. От колокола к крепостной дороге уходила медная труба. За деревней виднелась развилка: одна дорога поднималась к далёкой чёрно-золотой крепости, а другая вела к шахте. Над шахтным входом висели цепи, клетки и кривой знак: «Золотая выработка. Посторонним — под землю».

Из шахты доносился стук.

Не весёлый стук кирок. Не рабочий ритм.

Это был стук людей, которые бьют камень не потому, что хотят, а потому, что перестали верить, будто можно не бить.

— Эльфы, — сказал один из зелёных у меня за спиной. Он сказал это так, будто слово было кислым. — Пахнут лесом. Слабо. Почти мёртво.

Я сжал рукоять огненного меча Одноглазого. После главы с Камнем Воскрешения этот меч снова был у меня, но теперь даже его тепло не успокаивало. Камень ушёл к Голдо. Гимбул успел сказать мне это перед смертью. А значит, где-то впереди, за этой маленькой деревней, за шахтой и крепостью, лидер «Молнии» уже держал в руках то, что могло перевернуть всё.

На воротах стояли два гнома. Не в броне — в кожаных фартуках, с кирками, короткими бородами, заплетёнными в медные кольца. Они разговаривали так спокойно, будто не слышали недавней битвы внизу.

Рядом с воротами лежала сломанная вагонетка. Под ней, будто забытые игрушки, прятались две круглые бомбы в форме железных ежей. У каждой были короткие шипы, маленькие лапки-зацепы и медный циферблат, закрытый стеклянной крышкой.

Я поднял руку, останавливая отряд.

— Тихо.

Мы легли в траву чуть выше тропы. Гномы у ворот продолжали болтать.

— Какой воздух, а? — сказал первый, подставляя лицо ветру. — После нижней смены будто в пивную бочку с мятой залез.

— Воздух воздухом, — проворчал второй. — Ты лучше скажи, когда из леса вернётся смена. Гимбул обещал, что после третьего рассвета эльфов будет больше. А у нас в шахте старые уже падают.

— Гимбул не вернётся, если слухи верные, — ответил первый и быстро оглянулся на ворота. — Говорят, чужак у пещеры его расколол.

— За такие слова можно в шахту без лампы попасть.

— Я не сказал, что верю. Я сказал, что говорят. Крагг прошёл утром, весь в копоти, с малым отрядом. За ним личники Голдо бежали прямо к крепости. Что-то несли. Камень, что ли. Чёрный, но светился, как сердце в угле.

Я почувствовал, как у меня похолодели пальцы.

Камень.

— А нам что? — сказал второй гном. — Нам велено держать ворота, шахту и дорогу. Эльфы пусть копают. Голдо пусть думает. Мы люди маленькие.

— Не люди, а гномы.

— Вот именно. Маленькие.

Они засмеялись.

Я посмотрел на шахту. Оттуда выехала вагонетка с рудой. Её толкали не гномы. Два худых эльфа в серых ошейниках, с обмотанными тряпками руками, едва держались на ногах. За ними шёл надсмотрщик с коротким молотом и трубкой, из которой торчала искра.

Один из эльфов споткнулся. Надсмотрщик ударил его рукоятью по спине.

Гнарл медленно повернул ко мне голову.

— Хозяин...

— Вижу.

И в этот момент я впервые по-настоящему понял, что значит «владения Голдо».

У Мэлвина всё держалось на еде. У Оберона — на сне. У Голдо всё держалось на труде, цепях и железной точности. Здесь даже деревня была частью машины. Ворота — зуб. Шахта — желудок. Колокол — нерв. Крепость впереди — голова.

И эта голова уже знала, что мы где-то рядом.

Я мог бы обойти Гномелию. Может быть. Подождать ночи. Спуститься к шахте. Ударить по цепям. Но справа от шахты начиналась крепостная дорога, а по ней уже ползла тонкая линия дыма — сигнал или патруль. Если Крагг доставил Камень Воскрешения Голдо, каждая минута могла стать ошибкой.

— Сначала узнаем расклад, — сказал я. — Потом решим, кого бить первым.

Зелёный рядом со мной хихикнул слишком громко. Один из гномов у ворот замер.

Я выругался про себя, но гном только повернулся к вагонетке и пнул её колесо.

— Слышал?

— Это ежи щёлкают. Один опять проснулся, наверное.

Ежи.

Я медленно спустился ближе к воротам, держась за тенью кустов. Бомбы лежали прямо под сломанной вагонеткой. На каждой сбоку была ручка, похожая на хвост. Я присел рядом, стараясь не задеть шипы, и увидел на медной крышке клеймо: шестерня, вросшая в корни.

Знак Голдо.

— Не трогай, хозяин, — прошипел Гнарл сверху.

Поздно.

Стоило моему пальцу коснуться стеклянной крышки, как бомба раскрыла четыре маленькие лапки и вонзилась ими в землю. Циферблат вспыхнул красным. Стрелка резко прыгнула на отметку «30».

Тридцать.

Двадцать девять.

Двадцать восемь.

— Назад! — крикнул я.

Гномы у ворот обернулись.

— Эй! Кто там?!

— Бомбу! — рявкнул я бурым. — Вниз с холма!

Двое бурых бросились к железному ежу. Лапки бомбы впились в землю, и та, как живая, попыталась повернуться к ближайшему теплу — к ним. Один бурый схватил её за шипы и тут же зашипел: перчатки задымились. Второй поддел бомбу щитом, вырвал из земли вместе с комьями травы и, рыча, потащил к обрыву.

Двадцать.

Девятнадцать.

Гномы заорали.

— Чужие у ворот!

— Ежа активировали!

— Колокол!

Второй железный ёж тоже проснулся. Его циферблат загорелся сам, будто первая бомба позвала сестру.

— Гнарл!

Гнарл ударил жезлом по земле. Перед второй бомбой поднялась короткая волна камня, сбивая её с направления. Красный старший кинулся вниз по склону, впились когтями в медную ручку и потянул, как зверь тянет добычу из норы.

Первая бомба полетела с обрыва.

Она не просто взорвалась.

Сначала внизу вспыхнул белый круг, будто кто-то открыл на миг маленькое солнце. Потом воздух ударил мне в грудь. Земля под ногами подпрыгнула. Обрыв разорвало камнями, травой и огненными иглами. Осколки пронеслись вверх, свистя, и один из них пробил ворота Гномелии насквозь, оставив в толстой доске дымящуюся дыру размером с кулак.

Вторая бомба не успела уйти так далеко. Красный сбросил её в канаву у дороги, и она взорвалась там. Ударная волна снесла сломанную вагонетку, подняла её в воздух и швырнула в сторожевую башенку. Башенка вздрогнула, но не упала. Из её щелей тут же вылетели три тонких металлических хлопка.

Не стрелы.

Не пули.

Что-то среднее.

Первый снаряд выбил из руки бурого щит. Вторым прошил ремень на моём наплечнике так точно, будто гном целился не в меня, а в одну конкретную нитку. Третий ударил в камень перед глазом зелёного и отрезал ему прядь волос, не задев кожу.

Зелёный замер с открытым ртом.

— Не промахнулись, — тихо сказал Гнарл. — Предупредили.

Из башенки донёсся хриплый голос:

— Следующий залп — в глаза.

Колокол ударил.

Низкий, тяжёлый, не деревенский. Он не просто звонил — он отправлял звук по медной трубе за деревню, к дороге на крепость. Я увидел, как у основания колокольной рамы гном дёрнул рычаг, и из трубы со свистом вылетела маленькая капсула. Она понеслась по проводу к чёрно-золотой крепости, блеснула на солнце и исчезла за склоном.

— Голдо уже услышал, — сказал Гнарл.

— Тогда быстро.

Быстро не получилось.

Ворота Гномелии распахнулись. Изнутри хлынули шахтёры — десятки гномов в кожаных фартуках, с кирками, молотами, короткими топориками. Они были без полной брони, но двигались не как испуганные крестьяне. Каждый знал, куда встать. Первые опустили щиты-лопаты, вторые выставили кирки между ними, третьи тащили ящики с маленькими медными цилиндрами.

С крыш снова хлопнули дальнострелы.

Один бурый рядом со мной дёрнулся и упал на колено: снаряд вошёл ровно в щель между пластинами на бедре. Второй бурый поднял щит, и тут же три выстрела ударили в одну точку, в одну и ту же вмятину, пока железо не лопнуло.

— Они бьют по слабым местам! — крикнул я.

— А гномы иначе не умеют, хозяин! — рявкнул Гнарл. — У них даже подлость с чертежом!

Я бросился вперёд.

Огненный меч Одноглазого вспыхнул, но первый же шахтёр не стал встречать удар. Он упал на спину, а двое за ним ударили кирками по моим ногам. Я перепрыгнул одну кирку, вторую отбил, третья задела сапог. Бурые ударили щитами, смяли первый ряд, но из-за шахтёров полетели маленькие цилиндры.

— Ложись!

Цилиндры раскрылись в воздухе. Из них выстрелили цепочки с крючьями. Две цепи обвилились вокруг бурого, третья впилась мне в плечо. Я дёрнул, разрубил её огненным мечом, но с крыш снова выстрелили снайперы. Снаряд ударил в цепь, которую я ещё не успел сбросить, и пригвоздил её к моему наплечнику.

Они стреляли не в людей.

Они стреляли в ситуацию.

Каждый выстрел делал следующий удар гномов удобнее.

Я зарычал, вырвал цепь вместе с заклёпкой и ударил огнём по ближайшей крыше. Пламя лизнуло черепицу, но из-под неё выдвинулся медный щиток, и огонь стек по нему, как вода по стеклу.

— Огнеотводы, — процедил Гнарл. — Голдо готовил даже деревни.

Тогда я перестал пытаться жечь крыши и ударил по земле.

Огонь прошёл под ногами шахтёров, не прожигая вечный сплав их инструментов, зато поджёг рассыпанный пивной порох из цилиндров. Вспышка ослепила первый ряд. Бурые врезались в них щитами. Красные метнулись к ремням, к мягким местам, к тем местам, где кожа и металл соединялись не так надёжно.

Гномы падали тяжело, с проклятиями. Но падали не все.

Снайперы на башенке снова дали залп.

На этот раз они били в глаза.

Я поднял щит мёртвого гнома, и два снаряда вонзились в него, пробив почти насквозь. Третий прошёл над кромкой и царапнул мне щёку. Горячая кровь потекла к губе. Я почувствовал металлический вкус и вдруг понял, что улыбаюсь.

Не от радости.

От злости.

— Гнарл! Колокол!

— С удовольствием!

Гнарл вскинул жезл. Бурые прикрыли его щитами. Он ударил по камням у основания колокольной рамы. Железная стойка вздрогнула. Гном у рычага попытался удерживать механизм, но зелёный, пробравшийся по стене, прыгнул ему на спину и вцепился в бороду.

Колокол ударил последний раз.

Потом вся рама накренилась и рухнула на площадь, раздавив пороховой ящик. Вспышка поднялась невысоко, зато густой чёрный дым накрыл центр деревни.

— Внутрь! — крикнул я.

Мы прорвались через ворота.

Гномелия внутри оказалась ещё теснее, чем казалась сверху. Улицы были не улицами, а канавами между низкими домами. В каждом доме — узкая бойница. Под ногами — рельсы. Вдоль стен — медные трубы. По трубам ходил пар, свистел, шипел, будто деревня сама дышала злостью.

На площади стояла карта, вырезанная прямо на железной плите. Я увидел её краем глаза, пока отбивал очередную кирку. Крепость Голдо была отмечена огромной шестернёй. Шахта — открытой пастью. Гномелия — маленьким зубом между ними.

Маленьким, но острым.

Из северной улицы вышли они.

Сначала я слышал шаги.

Не топот. Не бег. Ровный грохот, как будто по деревне шла кузня.

В дыму появились восемь гномов в тяжёлой броне. Их доспехи были почти круглыми, как бочонки, но в каждом движении чувствовалась страшная устойчивость. Щиты закрывали их от подбородка до колен. На шлемах горели зелёные стёкла. За спинами торчали короткие молоты с зубьями. На груди у каждого было выбито одно слово: «Непобедимый».

Первый поднял молот.

— Нарушитель. Приказ Голдо. Быстрая ликвидация.

— Быстрая? — спросил я и шагнул вперёд.

Мой огненный меч ударил по его щиту.

Обычно после такого удара враг хотя бы отступал.

Этот не двинулся.

Пламя облизало вечный сплав, ушло в зелёные прожилки на щите и исчезло. Гном ударил в ответ. Я успел поставить меч боком, но сила удара прошла через руки, плечи, позвоночник. Меня отбросило к стене дома. Из бойницы тут же выстрелил снайпер. Снаряд ударил в камень в сантиметре от моей головы, выбив крошку мне в глаз.

Без промаха.

Я перекатился. Вторым снаряд попал туда, где только что была моя шея.

— Хозяин! — заорал Гнарл.

Бурые ударили по «Непобедимым» сбоку, но те даже не развернулись полностью. Двое гномов приняли бурых на щиты, третий ударил молотом по земле. Из рельсов под ногами выскочили зубчатые зажимы и схватили ноги одного из наших. Гном-молотник ударил его в грудь. Броня бурого прогнулась. Он упал, не издав ни звука.

Красные попытались добраться до ремней, но у «Непобедимых» почти не было ремней. Их броня была цельной, с внутренними замками. Один красный залез на спину гному и попытался вскрыть горловину. Снайпер с крыши выстрелил, даже не задев гнома. Снаряд прошёл красного насквозь и прибил его к щиту.

Я понял, почему их называли «Непобедимыми».

Не потому, что их нельзя было убить.

Потому, что пока ты думал, как их убить, всё вокруг уже работало против тебя.

— Бомбы! — крикнул я. — Где склад?

Гнарл ткнул жезлом в низкое здание у западной стены. На двери висел знак железного ежа.

— Там. Но если рванёт всё...

— Значит, пусть рванёт не всё.

Я бросился к складу. Два «Непобедимых» сразу перегородили путь. С крыш хлопнули дальнострелы. Я использовал кольцо энергии — рывком поднял сломанный рельс с площади и поставил его перед собой. Три снаряда ударили в рельс, каждый почти в одну точку. Металл завизжал.

— Зелёные! Крыши!

Оставшиеся зелёные полезли вверх по стенам, не как воины, а как грязные ящерицы. Снайперы заметили их сразу. Один зелёный сорвался вниз с пробитым плечом. Второй успел добраться до крыши и пырнул гнома-стрелка ножом в колено. Снайпер не вскрикнул. Он просто развернул дальнострел и выстрелил зелёному в грудь в упор.

Но этого мгновения хватило.

Я ворвался в склад.

Внутри стояли бомбы. Десятки железных ежей на деревянных полках. Большие пузатые бочки с надписью «Пивной порох». Медные часовые механизмы. Шипы. Провода. Маленькие бомбы, похожие на гранаты. И в углу — деревянная тележка с ручным пусковым желобом.

Я схватил ближайшего железного ежа.

Он тут же проснулся.

Десять.

Девять.

— Да что у вас всё так быстро?!

Я выбежал обратно и швырнул бомбу кольцом энергии под ноги первому «Непобедимому».

Гном увидел её и шагнул на неё щитом.

Правильно сделал.

Если бы это была обычная бомба, щит принял бы удар.

Но железный ёж цеплялся лапками. Он не взорвался под щитом. Он прополз по внутренней стороне, нашёл щель у колена и вцепился туда.

Первый «Непобедимый» впервые нарушил строй.

Он посмотрел вниз.

Три.

Два.

Один.

Взрыв не разорвал его на куски. Вечный сплав выдержал. Но внутренний замок колена вывернуло наружу, и тяжёлая броня сложилась неправильно. Гном рухнул, как сломанный механизм, перегорев улицу своим телом.

— Их можно ломать! — крикнул я. — Не броню! Суставы!

Бурые перестроились. Красные полезли к коленям, к локтям, к швам. Я швырял бомбы не в грудь, не под щиты, а в те места, где броня должна была двигаться. Гнарл поднимал каменные выступы, заставляя гномов переступать. Снайперы с крыш били по нам без промаха, но дым, пыль и рухнувший колокол мешали им видеть всю картину.

Один за другим «Непобедимые» начали падать.

Не умирать сразу.

Падать.

И в этом было страшно: даже лежа, они пытались убить. Один схватил бурого за ногу и держал, пока снайпер не пробил тому шею. Другой, с вывернутым плечом, запустил из щита короткую пилу. Она рассекла зелёного пополам прежде, чем я успел ударить.

Я добил этого гнома огненным мечом через разбитый глазной визор.

И тут за деревней завывла труба.

Не колокол. Не тревога.

Ответ.

Со стороны крепостной дороги показалась новая группа.

Они шли быстро, почти бегом. На каждом гноме был не тяжёлый доспех, а короткая огнеупорная куртка, круглый шлем и ранец с медными трубками. За ними катились две маленькие рельсовые платформы. На платформах лежали бомбы — не железные ежи, а большие круглые шары с шипами и красными флажками.

Один из гномов поднял трубу к губам и крикнул:

— Бомберы! Второй порядок! Полное уничтожение нарушителя!

Гнарл выругался так, что даже красные посмотрели на него с уважением.

— Хозяин, теперь деревня нам не поможет. Они готовы взорвать её вместе с нами.

Бомберы не стали ждать.

Первая шипастая бомба покатила по рельсу прямо на площадь. Я ударил по ней огнём — и сразу понял ошибку. Бомба раскрылась, втянула пламя в красные щели и ускорила.

— Не огонь! — крикнул Гнарл.

Бомба прыгнула.

Да, именно прыгнула. Маленькие пружинные лапы выбросили её над землёй. Она перелетела через щиты бурых и взорвалась у нас за спиной.

Меня подбросило, бросило лицом в землю. В ушах исчез звук. Мир стал белым и медленным. Я увидел, как один бурый стоит без щита и смотрит на свои руки, будто не понимает, куда делась левая. Потом его накрыло дымом.

Звук вернулся ударом.

Крики.

Треск домов.

Хлопки дальнострелов.

Смех гномов.

Я поднялся на локоть. Перед глазами двоилось. На площади горел дом. Склад бомб, к счастью, ещё не рванул, но его стена уже дымилась. Если огонь доберётся до полков, Гномелия исчезнет вместе с нами.

— В склад воду! — прохрипел я.

— Воды нет! — крикнул Гнарл.

— Тогда землю!

Гнарл ударил жезлом. Земля перед складом поднялась и завалила вход, хороня часть бомб под камнем. Хорошо. Не спасение, но отсрочка.

Вторая бомба катилась по рельсам.

Я попытался поднять её кольцом энергии, но она была слишком тяжёлой или слишком хорошо заземлённой. Кольцо взвыло у меня на пальце. Тогда я поднял не бомбу, а рельс перед ней. Рельс выгнулся. Бомба сорвалась с направляющей, врезалась в стену кузницы и застряла.

— Три! — закричал один из Бомберов.

Все гномы вокруг упали лицом вниз.

Я понял, что надо сделать то же самое.

Взрыв кузницы был меньше первого, но злее. Он не дал широкую волну — он дал дождь. Железный дождь. Шипы, гвозди, обломки медных трубок и раскалённые шарики ударили по улице. Один шарик прожёл мне плащ и застрял в броне. Другой выбил глазницу в шлеме бурого. Третий попал в снайперскую башенку, и та наконец задымилась.

Снайперы оттуда всё равно дали ещё один залп.

Три выстрела.

Три попадания.

Один — в зелёного, который пытался поползти до раненого бурого.

Второй — в красного, уже почти добравшегося до ранца Бомбера.

Третий — мне в кисть.

Огненный меч едва не выпал.

Я стиснул зубы и понял, что если мы останемся на площади ещё минуту, нас разберут по винтам.

— К башенке! — крикнул я. — Снять глаза!

Гнарл понял. Он не стал бить по башне. Он ударил по дому рядом. Стена дома треснула, крыша накренилась, и снайперы на соседней крыше на миг потеряли угол. Я бросился в этот миг, поднял кольцом энергии обломок колокольной рамы и швырнул его в башенку.

Рама ударила сбоку.

Башенка выдержала.

Но внутри что-то хрустнуло.

Один снайпер выпал наружу, не выпуская дальнострел. Он падал, и пока падал, выстрелил.

Снаряд попал мне прямо в нагрудник, в старую трещину от боя с Гимбулом.

Меня снова отбросило.

Я ударился спиной о рельсы и на секунду перестал видеть.

Когда зрение вернулось, надо мной уже стоял Бомбер. Он был в копоти, с круглой медной маской на лице. В руке у него была маленькая бомба без шипов, гладкая, как яйцо.

— Полное уничтожение, — сказал он.

Я попытался поднять меч, но рука не слушалась.

Бомбер наклонился.

И тут из-под рельсы вылез красный.

Он был обгоревший, почти слепой, но живой. Он вцепился в трубки ранца Бомбера и рванул. Гном заорал. Бомба выпала у меня рядом с лицом.

На ней не было таймера.

Только маленький красный глаз.

Он открылся.

Я схватил бомбу кольцом энергии, не рукой, а самой мыслью, толкнул её вверх и в сторону. Она ударилась о грудь Бомбера, отскочила, попала в его ранец.

Взрыв поднял гнома, красного и часть улицы.

Меня накрыло досками, землёй и горячим пеплом.

Я не знаю, сколько пролежал. Может, несколько секунд. Может, вечность. В голове гудело. В груди было так больно, что я сначала решил: всё, снаряд всё-таки пробил броню и вошёл в сердце. Но сердце билось. Слишком быстро, зло, упрямо.

Я вылез из-под обломков.

Площадь Гномелии больше не была площадью. Это был чёрный котёл. Колокол лежал расколотый. Склад бомб был завален камнем и дымился. Из восьми «Непобедимых» двигались двое — один без ноги, второй с заклинившим плечом. Бомберы отступали к крепостной дороге, но Гнарл с остатками бурых уже перерезал им путь. Снайперская башенка молчала.

И всё равно я чувствовал себя не победителем, а человеком, которого только что пропустили через мясорубку и по ошибке не докрутили ручку до конца.

— Хозяин, — Гнарл подошёл ко мне, хромая. На его жезле была трещина. — Жив?

— Проверяю.

— И как?

— Плохо. Но да.

Он кивнул.

— Значит, хорошо.

Мы добились тех, кто ещё пытался стрелять. Не всех гномов. Часть рабочих бросила кирки и убежала к шахте или в подвалы. Я не стал гнаться за теми, кто не поднимал оружие. Но тех, кто тянулся к бомбам, приходилось убивать сразу.

У шахтной дороги стояла опрокинутая вагонетка. Под ней застрял эльф. Молодой, хотя по глазам казался старше любого из нас. Ошейник на его шее был медный, с маленьким замком в форме шестерни. Он смотрел на меня так, будто не понимал, враг я или новая смена надсмотрщиков.

Я присел рядом.

— Сколько вас в шахте?

Эльф сглотнул. Губы у него были в золотой пыли.

— Много. Слишком много. Нижние штреки, цепные залы, промывочные ямы... Они держат нас под землёй. Если тревога дошла до крепости, шахту уже заперли.

— Можно открыть отсюда?

Он покачал головой.

— Деревня только кормит шахту и принимает руду. Главные цепи в крепости. Золотой ключ у надсмотрщика крепостного двора. Если вы пойдёте в шахту сейчас, Голдо пустит газ вниз. Или затопит нижние штреки. Он лучше убьёт нас, чем отдаст.

Я закрыл глаза на секунду.

Конечно.

Даже рабство у Голдо было устроено как заложник.

— Я вернусь, — сказал я.

Эльф слабо усмехнулся.

— Все так говорят, когда смотрят на шахту снаружи.

— Я уже слишком много раз говорил это мёртвым. Постараюсь, чтобы ты не стал следующим.

Он не ответил.

Гнарл велел одному из бурых снять с эльфа ошейник. Замок не поддался, пока красный не прожёт тонкий шов снизу. Эльф вскрикнул, но цепь упала. Мы отправили его с двумя ранеными к обратному тоннелю, где эльфы поверхности ещё могли принять беглеца.

Потом мои слуги начали обыскивать деревню.

В домах было мало обычной жизни. Узкие кровати. Тяжёлые сундуки. Сушёное мясо. Бочки с пивом. Планы шахты, где эльфийские зоны были обозначены не именами, а цифрами: «лесной материал», «тонкие руки», «светлоглазые». В одном доме мы нашли три дальнострела и маленькие стеклянные линзы. В другом — недоделанные бомбы, ещё без таймеров. В кузнице — детали для рельсовых платформ. На стене старого дома висел большой щит с раскладом:

«Гномелия: ворота, колокол, шахтный двор, склад пороха, снайперская крыша, крепостная дорога».

Теперь всё было ясно.

Гномелия — не деревня. Передний замок. Сигнальный зуб. Маленький, но построенный так, чтобы любой чужак либо умер у ворот, либо сообщил о себе Голдо.

Мы уже сообщили.

В одном из подвалов бурые нашли старого гнома.

Он сидел за столом, будто ждал нас. Борода у него была белая, но вплетённые в неё кольца — золотые. На правом глазу стояла стеклянная линза. Перед ним лежал короткий меч, не боевой, скорее церемониальный. Рядом — кружка нетронутого пива.

— Старейшина? — спросил я.

— Начальник Гномелии, — ответил он. — Старейшинами зовут тех, кто умирает дома. Я умру на службе.

— Служба у тебя была интересная. Шахта, рабы, бомбы у ворот, снайперы на крышах.

Он пожал плечами.

— Владения Голдо не держатся на молитвах.

Я сел напротив него. Ноги дрожали так, что стоять было тяжело.

— Рассказывай.

— О чём?

— О деревне. О шахте. О дороге к крепости. О Непобедимых. О Бомберах. О личной охране Голдо. И о камне, который пронесли утром.

Старый гном впервые посмотрел на меня внимательно.

— Значит, ты не просто лесной герой.

— Я устал быть просто кем-то.

Он усмехнулся.

— Тогда слушай, чужак. Гномелия — первый зуб Золотых холмов. Маленькая, потому что ей не нужно быть большой. Она слышит пещеру, держит шахту и кормит крепость. В двухстах шагах отсюда — Золотая шахта. Там эльфы, которых Голдо не успел сломать в лесу. Они добывают мягкую жилу. Не настоящую первую жилу Матери, нет. До неё ещё далеко. Но эта руда нужна для вечного сплава, линз и пороховых котлов.

— Сколько там охраны?

— Сейчас меньше, чем было утром. После твоей резни у ворот часть ушла закрывать нижние цепи. Но если ты пойдёшь туда без крепостного ключа, ты найдёшь не эльфов, а трупы. Шахта слушается крепости.

Гнарл тихо зашипел.

Старый гном продолжил:

— «Непобедимые» — быстрый отряд ликвидации. Не вся сила Голдо, только деревенский зуб. Ты сломал восемь? В крепости их восемьдесят. Может, больше. Бомберы — второй порядок. Если Непобедимые не удержали врага, Бомберы стирают место вместе с врагом. Деревня для Голдо дешевле тайны.

— А снайперы?

— Глаза Голдо. Дальнострелы с линзами и счётными прицелами. Они не целятся в тебя. Они считают, где ты окажешься, когда испугаешься. Поэтому не промахиваются.

Я вспомнил снаряд у глаза зелёного. Выстрел в цепь. Три попадания в одну вмятину.

— Личная охрана Голдо, — сказал я.

Старый гном уже не улыбался.

— О них не спрашивают.

— Я спрашиваю.

— Тогда ты глупее, чем кажешься. Их называют Золотыми личниками. Но это не имя. У них нет имён. Даже лица под масками никто не видит. Они не охраняют двери. Они охраняют то, что Голдо боится потерять. Камни. Статуи. Ключи. Договоры. То, что нельзя доверить ни Бомберам, ни Непобедимым.

— Утром они несли камень?

Старый гном посмотрел на кружку пива.

— Крагг прошёл до рассвета. С ним был малый отряд. Они несли чёрный камень, но он светился изнутри, будто там бьётся чужое сердце. Потом из крепости пришли личники. Не шли — скользили. Забрали Крагга внутрь. После этого дорогу закрыли.

Камень Воскрешения у Голдо.

Не «вероятно». Не «может быть».

У Голдо.

— Что он с ним сделает? — спросил я.

Старый гном рассмеялся.

— А что делает голодный с хлебом? Что делает жадный с ключом? Голдо не тратит чудо сразу. Он положит его туда, где чудо начнёт работать на него, даже если он к нему не прикасается.

— Где?

— В крепости.

— Где именно?

Старый гном наклонился ближе.

— А вот это я не знаю. И хорошо, что не знаю. Знающие такие вещи долго не пьют пиво.

Я встал.

— Ты пойдёшь с нами до шахты и покажешь крепостной ключ.

— Нет.

— Это не просьба.

— Я понял.

Он спокойно взял кружку и отпил пива. Потом улыбнулся.

— Ты думаешь, деревня проиграла, потому что ты жив. Но Гномелия уже сделала своё дело. Колокол ударил. Труба отправила капсулу. Снайперы увидели твоё лицо. Бомберы увидели, как ты двигаешься. Непобедимые узнали, что твой огонь ищет суставы. Всё это уже в крепости.

Я почувствовал, как под ногами что-то щёлкнуло.

Гнарл тоже слышал.

— Хозяин...

Старый гном открыл рот. Между зубами у него был маленький медный штифт.

Он прикусил его.

Стена подвала раскрылась красными огнями.

— Третий порядок, — прошептал он. — Если зуб выбит, челюсть кусает сама себя.

Я прыгнул через стол.

Поздно.

Пол подвала ударил снизу. Не так сильно, как бомбы на площади, но близко. Дерево, камень, стол, пиво, золото в бороде старого гнома — всё взлетело. Я успел закрыться плечом и кольцом энергии оттолкнуть от себя часть потолка. Гнарл ударил жезлом, поднимая каменную стенку между взрывом и нашими ранеными.

Меня протащило по полу, ударило о лестницу, выбило воздух.

Старый гном лежал рядом. Половины лица у него уже не было, но рука всё ещё тянулась к церемониальному мечу. Один из бурых наступил ему на кисть. Старый гном посмотрел на меня единственным глазом, и в этом взгляде не было страха.

Только обида.

Не на меня.

На то, что его смерть не убила меня.

— Чужак... — прохрипел он. — В нашей стране... не выживает.

— Я заметил.

Он дёрнулся, выхватил из рукава короткое лезвие и ударил меня в броню. Лезвие скользнуло по пластине и всё же вошло в старую трещину неглубоко, но больно. Бурый рядом не стал ждать. Его меч опустился.

Старый гном умер.

Я не почувствовал победы.

Мы выбрались из подвала через пролом. Гномелия дымилась. Маленькая деревня, которую сверху можно было принять за игрушку, оказалась первым настоящим уроком Голдо: здесь всё было оружием. Бомбы у ворот. Снайперы на крышах. Колокол как нерв. Шахта как заложник. Старик как последняя мина.

Я стоял посреди площади и смотрел на две дороги.

Слева — шахта. Оттуда доносился далёкий стук и редкие крики. Эльфы были там. Живые. Пока.

Справа — крепостная дорога. По ней, за холмами, поднималась чёрно-золотая крепость Голдо. Я видел только верхние башни, похожие на зубцы огромной короны. Над ними висел дым, и в дыму мигал красный сигнал тревоги.

— Хозяин, — сказал Гнарл. — Шахта близко.

— И именно поэтому Голдо ждёт, что я пойду туда.

— Там эльфы.

— Знаю.

Мне хотелось пойти в шахту. Прямо сейчас. Сорвать цепи. Вырезать надсмотрщиков. Дать этим людям хотя бы один вдох без золота в горле. Но эльф из-под вагонетки сказал правду: шахта слушалась крепости. Если я ударю по шахте первым, Голдо запечатает её вместе с пленниками. Если ударю по крепости, у шахты появится шанс.

Иногда правильный путь выглядел как предательство.

Я повернулся к крепостной дороге.

— Сколько нас осталось? — спросил я.

Гнарл перечислил. Меньше, чем хотелось. Больше, чем я заслуживал после такой ловушки.

Я поднял огненный меч Одноглазого. Рука болела после снайперского выстрела, плечо ныло после взрыва, грудь горела в месте, куда попал падающий стрелок. Но меч всё ещё горел.

— Раненых назад к тоннелю. Гнарл, отметь шахту на карте. Красным — запомнить нижние щели. Зелёным — если кто живой может идти, пусть смотрит за шахтой издалека, но не лезет внутрь. Мы вернёмся.

— А мы? — спросил Гнарл.

Я посмотрел на табличку за деревней: «Крепость Голдо».

— А мы идём туда, где держат ключи.

Мы покинули Гномелию через задние ворота.

Деревня осталась позади — маленькая, дымящаяся, сломанная, но всё ещё опасная. Даже мёртвая, она будто смотрела нам в спину своими пустыми снайперскими щелями. Слева гудела шахта с эльфами. Справа крепость Голдо становилась выше с каждым шагом.

Я еле выжил в первой деревне его владений.

И если это был только первый зуб, то вся пасть впереди должна была быть чудовищной.

Но Камень Воскрешения был там.

Голдо был там.

И я пошёл дальше.

Шестьдесят вторая глава

«Волишебное пиво гномов»

Я шёл по дороге и всё ещё думал о словах старого начальника Гномелии. Его деревня горела за моей спиной, в ушах ещё стоял звон гномьего колокола, а перед глазами то и дело вспыхивали ежовые бомбы, шипастые снаряды Бомберов и эльф, которого я так и не смог вывести из шахты. Мы победили деревню, но это не было похоже на победу. Крепость Голдо уже знала обо мне. Камень Воскрешения уже был где-то внутри. А шахта с эльфами оставалась живой раной, которую нельзя было бросать надолго.

Гнарл шёл рядом, сжимая свой жезл так крепко, будто хотел задушить им саму дорогу. За нами тянулся малый отряд: несколько бурых, пара зелёных, красный разведчик и двое раненых, которые всё равно упрямо не просили отправить их назад. После Гномелии каждый шаг давался тяжелее. Земля под ногами стала жёлтой от пыли, камни блестели медью, а воздух пах железом, дымом и чем-то кислым, будто под холмами варили не еду, а оружие.

— Хозяин, — хрипло произнёс Гнарл, когда тропа начала подниматься, — крепость ждёт нас. Чем дальше мы идём не туда, тем больше у Голдо времени.

— Я знаю, — ответил я, не останавливаясь. — Но если мы не поймём, чем они воюют, крепость нас просто перемелет.

В этот момент дорога раздробилась на три тропы. Я едва не прошёл мимо развилки, потому что смотрел не на камни, а в собственные мысли. Слева вниз уходила широкая дорога с грубой табличкой: «Золотая шахта». На доске висел ржавый крюк, а под ним были выцарапаны маленькие эльфийские знаки, почти стёртые пылью. Правая тропа вела ещё ниже, в тёмную лощину. Там стоял указатель: «Тюрьма». А посередине узкая дорожка поднималась на холм, где на кривой медной пластине было написано: «Пиво — это секрет». Под надписью кто-то добавил углём: «Кто знает секрет, тот стоит на ногах».

Я посмотрел на табличку дольше, чем следовало.

— Нет, — сразу сказал Гнарл.

— Я ещё ничего не сказал.

— Зато ты уже посмотрел туда так, как смотришь на ловушку, в которую всё равно собираешься залезть.

Я перевёл взгляд на дорогу к тюрьме, потом на шахту. Разумом я понимал: нужно идти к крепости, выбивать управление шахтой, искать Камень Воскрешения и Голдо. Но вся гномья война уже пахла пивом. Пивной порох взрывал наши щиты. Пивные трубы толкали буровые платформы. Даже Гимбул перед смертью говорил о гномах так, будто их сила начиналась не в мускулах, а в бочке.

— Мы поднимемся на холм, — сказал я. — Быстро посмотрим, что там, и вернёмся.

Гнарл тихо застонал.

— Никто никогда не смотрит быстро на гномье пиво, хозяин. Либо пьёт, либо дерётся, либо лежит под столом.

— Значит, будем драться.

Холм оказался не простым холмом. Чем выше мы поднимались, тем сильнее пахло хмелем, дымом и горячей медью. Между камнями тянулись тонкие трубы. Они дрожали, как жилы под кожей. Иногда внутри них что-то булькало, и тогда земля под ногами отдавалась глухим стуком. На вершине стояла ещё одна табличка: «Бар «Волшебное пиво». Приходите все, кто хочет напиться, забыться и стать лучше прежнего». Последние слова были выведены особенно жирно.

Самого здания не было. Бар раскинулся прямо под открытым небом. На вершине холма стояли столы из цельных каменных плит, пни вместо стульев, бочки выше человеческого роста и длинная медная стойка, похожая на часть паровой машины. В центре возвышалась статуя толстого гнома с двумя кружками в руках. Из кружек тонкими струями лилось пиво, стекало по бороде каменного идола и уходило в желоба. Позади статуи торчали краны, рычаги, насосы и цепные колёса. Всё это уходило в землю, в сторону крепости, шахты и тюрьмы.

Но первым я увидел не статую.

У края бара, между тремя тонкими деревьями, стояли эльфийки. Их заставили одеться в яркие, рваные сценические платья, больше похожие на издевательство, чем на одежду. На руках и шеех у них были медные цепи. Цепи не просто держали пленниц у деревьев — они уходили в землю, в трубы, в маленькие колёса у корней. Перед ними была утоптанная площадка, на которой они, должно быть, танцевали для пьяных гномов. Сейчас они не танцевали. Они стояли молча и смотрели на меня так, будто я был ещё одним видом беды.

Одна из них сделала шаг назад и тут же поморщилась: цепь на шее коротко звякнула и натянулась.

— Спокойно, — сказал я негромко. — Я не гном.

— Это мы видим, — ответила она сухими губами. — Но огонь у тебя гномы тоже видели. И всё равно многие умерли.

Я остановился. Внизу за столами пели гномы. Их было много: десятки бород, кружек, молотов, шлемов, коротких тяжёлых рук. Они пока не заметили нас. Или делали вид, что не заметили.

— Я вас вытащу, — сказал я.

— Не режь цепи, — прошептала эльфийка и резко побледнела. — Сначала рычаги. Сначала краны. Если порвёшь цепь, бар проснётся.

Слишком поздно.

Один из бурых уже подкрался к ближайшей пленнице и ударил топором по медному звену. Цепь разлетелась с тонким, почти музыкальным звоном. В тот же миг под землёй что-то щёлкнуло. В деревьях зашипели скрытые клапаны. Статуя гнома в центре бара загудела, словно проснулась от долгого сна. Из её кружек хлынула густая золотая пена.

Гномы за столами разом замолчали.

Потом один из них поднял кружку, увидел, как она сама наполняется до краёв, и радостно заревел:

— Секретная подача! Кто-то открыл праздник войны!

Все остальные вскочили. Кружки ударили о столы, о зубы, о шлемы. Пиво лилось им в бороды, на кольчуги, на голые руки. Они пили жадно, как умирающие, которым дали воздух.

— Вот тебе и быстро посмотрим, — сказал Гнарл.

Я выхватил огненный меч Одноглазого. За спиной тяжело качнулся Zero.

— Освободить остальных. Не дать гномам подойти к эльфийкам.

— Хозяин, они уже подходят.

Первый гном ударил по столу кулаком. Каменная плита треснула пополам. Второй встал, рассмеялся, схватил своего соседа за пояс и швырнул его через весь бар просто ради забавы. Тот пролетел мимо статуи и врезался в бочку так, что медные обручи лопнули. Вместо крика боли гном только захохотал и, лежа в пене, протянул руку за новой кружкой.

Я понял, что смотрю не на пьяную драку. Я смотрю на зарядку оружия.

Кожа гномов темнела. На лбах проступали золотистые жилы. Бороды будто становились жёстче, превращаясь в спутанные проволочные щётки. Тела раздувались не как у толстяков, а как у кузнечных мехов: мышцы наливались, плечи ширились, пальцы вращались в рукояти молотов. Один гном с порезом на щеке выпил ещё глоток, и рана затянулась грубой жёлтой коркой прямо у меня на глазах.

— Волшебное пиво, — прошептал один из зелёных. — Красивое.

— Нет, — сказал Гнарл. — Военное.

Гномы наконец повернулись к нам.

— Парни! — крикнул широкоплечий бочкарь с медным краном вместо пряжки. — У нас незванный гость! Да ещё тот самый, что развалил Гномелию!

По бару прокатился рёв. Кто-то ударил в подвешенный котёл, и звук пошёл вниз по трубам, к крепости.

— Крепость уже знает, — сказал я сквозь зубы.

— Крепость знала ещё до нас, — ответил бочкарь и поднял кружку. — А теперь узнает, сколько костей от тебя останется после пенной молитвы.

Он выпил. До дна.

И начался мордобой.

Первый удар пришёлся по бурому справа от меня. Гном без молота, просто ладонью, сбил его с ног и отправил через два стола. Бурый ударился о каменную бочку, сполз вниз и больше не поднялся. Второй гном бросился на меня так быстро, что его короткие ноги размазались по земле. Я ушёл в сторону и полоснул огненным мечом по его плечу. Пламя вспыхнуло, но клинок не вошёл глубоко. Под кожей у гнома будто уже лежал внутренний доспех.

Он даже не понял, что я его ранил. Просто развернулся и ударил лбом.

Мир мигнул белым.

Меня отбросило к деревьям, где эльфийки пытались не кричать. Воздух вышибло из груди. Если бы не кольцо энергии, которым я в последний миг подтянул к себе обломок стола и принял часть удара на него, мои рёбра, наверное, остались бы в спине.

— Не бить в тело! — крикнул я. — Суставы! Ремни! Колени! Заставляйте их сталкиваться друг с другом!

Гнарл мгновенно подхватил приказ. Бурые ушли в низкую оборону, зелёные расползлись под столами, красный разведчик прыгнул к бочкам и начал перегрызать тонкие кожаные трубки, по которым пена шла к дальним кранам. Гномы смеялись. Они были слишком сильны, чтобы бояться нас сразу. И это стало их первой слабостью.

Двое бросились на меня одновременно. Я не стал встречать их. Шаг влево, кольцо энергии — и тяжёлая кружка с медной ручкой вылетела из рук третьего гнома прямо под ноги

первым двум. Они поскользнулись на пене, врезались друг в друга лбами и проломили стол. Один вскочил сразу, второй на секунду потерял равновесие. Этой секунды хватило зелёному: он выскочил из-под стола и перерезал ремень на коленном шарнире чужой брони. Гном рухнул на одно колено. Бурый ударил топором не по голове, а в стиб ноги. Раздался хруст.

Гном заревел уже не от веселья.

— Вот так, — выдохнул я. — Они крепкие, но не цельные.

— Хозяин! — крикнула первая эльфийка. — Правая кружка статуи! Если она даст чёрную пену, они станут хуже!

Я обернулся. На груди статуи открылся третий клапан. Из каменной бороды потекло не золотое, а почти чёрное пиво, густое, с зелёными искрами внутри. Гномы увидели его и взревели уже иначе — не пьяно, а почти молитвенно.

— Третья пена! — закричал бочкарь. — За Голдо! За вечный сплав в крови!

Он бросился к статуе. Я бросился наперерез.

Три гнома встали между нами. Один схватил бочку и метнул её в меня. Я рассёк бочку огненным мечом, но это оказалось ошибкой: пиво вспыхнуло в воздухе, и огненная волна ударила по бару. Я успел закрыться, но жар пошёл к деревьям, где ещё оставались пленницы.

— Не жечь бочки! — крикнул Гнарл. — Здесь всё пьёт огонь!

— Я заметил!

Эльфийки, которых мы успели освободить, не побежали. Одна из них, та самая, что предупредила про цепи, схватила свой обрывок медной цепи и ударила им по маленькому колёсу у корня. Вторая повторила. Третья, дрожа, начала танцевать — но уже не так, как хотели гномы. Её ноги отбивали другой ритм. Колёса у деревьев заскрежетали. Подача золотой пены дёрнулась.

— Что вы делаете?! — рявкнул бочкарь.

— Танцуем неправильно, — ответила эльфийка и ударила цепью ещё раз.

Половина кранов захлебнулась. Кружки у дальних столов наполнились пеной и тут же опустели обратно в желоба. Гномы, которые тянулись к новой порции, взвыли от ярости.

Бочкарь добрался до чёрного клапана первым. Он подставил под струю огромный ковш, выпил и швырнул ковш в сторону. Его тело изменилось страшнее остальных. Кожа пошла каменными буграми. Борода стала почти металлической. Глаза налились золотом так, что в

них не осталось зрачков. Он вырос не в рост, а в ширину, будто кто-то налил в него крепость целиком.

— Теперь, чужак, — сказал он, и голос его стал низким, как грохот вагонетки в шахте, — ты увидишь, почему Голдо кормит нас пивом, а не молитвами.

Он ударил ногой по земле. Холм дрогнул. Один из красных слуг сорвался с места, не удержавшись, и его просто втянуло под стол потоками пены. Бочкарь взмахнул рукой — и целая каменная лавка полетела в нас, как щепка.

Я остановил время.

Вернее, попытался.

Мир не замер полностью. Пивные трубы, статуя и чёрная пена будто сопротивлялись. Звуки стали густыми, движения — вязкими, но бочкарь не застыл. Он шёл медленнее, однако шёл. Его золотые глаза повернулись ко мне в почти остановленном мире.

— Пи-и-иво-о, — протянул он растянутым, глухим голосом, — не спи-и-ит.

У меня было всего несколько мгновений. Я не стал бить его. Бессмысленно. Вместо этого я рванул кольцом энергии за медный желоб, идущий от правой кружки статуи. Желоб согнулся, но не порвался. Я ударил по нему Zero — один раз, второй, третий. Металл пошёл трещиной. Изнутри вырвалась чёрная пена и брызнула не в кружки, а на землю.

Время отпустило меня ударом в виски. Бочкарь уже был рядом.

Он поймал меня за грудь и поднял. Его пальцы сжались на броне так, что металл застонал. Я ударил его огненным мечом по запястью. Пламя лизнуло каменную кожу. Он только приблизил лицо и оскалился.

— Меч Одноглазого, — сказал он. — Красивая вещица. Голдо будет рад забрать и её.

Он швырнул меня в статую.

Спина встретила с камнем. В глазах потемнело. Где-то сбоку Гнарл крикнул моё имя. Я упал в пену у ног каменного гнома и увидел главное: чёрная пена, вырвавшаяся из сломанного желоба, текла под ноги бочкарю. Он стоял в ней и становился тяжелее. Слишком тяжелее. Каменная корка на его ногах росла быстрее, чем он успевал двигаться.

Секрет пива был не только в силе. Оно делало тело крепостью. Но если подача шла не через кружку и не по правильному ритму, сила превращалась в лишний камень внутри живого тела.

— Гнарл! — прохрипел я. — Лейте пену под него! Не в него — под ноги!

Гнарл понял мгновенно. Он ударил жезлом по земле, и бурые вместе с зелёными начали переворачивать желоба. Освобождённые эльфийки били цепями по колёсам, сбивая ритм подачи. Красный разведчик, весь в ожогах, добрался до нижнего клапана и перегрыз последнюю кожаную скобу.

Золотая и чёрная пена рванула по бару, как паводок.

Обычные гномы поскальзывались, падали, врезались друг в друга. Их сила оставалась огромной, но теперь она работала против них: каждый неверный шаг ломал стол, каждый замах уносил их слишком далеко, каждый прыжок заканчивался ударом в бочку или каменную плиту. Мы не побеждали их честно. Мы заставляли их быть сильными не туда.

Бочкарь ревел и пытался вырваться. Его ноги уже почти приросли к пенному камню. Он наклонился, ударил кулаком в землю, и меня снова отбросило волной. Но теперь я видел его слабость: чем больше он злился, тем быстрее пил воздух, тем быстрее пиво в нём перегревалось.

— Эйра! — крикнула одна из эльфиек первой пленнице. — Четвёртый ритм!

Эйра, так её, значит, звали, побежала к последнему дереву, хоть цепь ещё тянулась за её ногой. Она ударила пяткой по деревянной площадке: раз, раз, пауза, раз. Остальные подхватили. Это был не танец для гномов. Это был сломанный приказ. Трубы застонали. Статуя в центре бара открыла оба каменных рта сразу, но пиво пошло обратно, в насосы.

Бочкарь понял слишком поздно.

— Не трогать сердце бочки! — заревел он.

Я прыгнул.

Он попытался ударить меня в воздухе, но его ноги не успели повернуться. Я приземлился на его плечо, воткнул огненный меч в медный кран у него на пряжке и провернул клинок. Кран был не украшением. Он был личным дозатором. Из груди бочкаря, из-под ремней, из скрытой трубки под бородой хлынула чёрная пена.

Он закричал так, что у меня задрожали зубы.

Зего вошёл ему в сгиб локтя. Не глубоко. Но достаточно, чтобы рука, державшая меня, разжалась. Я упал, перекатился, рванул кольцом энергии за обломок медного обруча и стянул им его колени. Бурые ударили с двух сторон по замершим ногам. Гнарл направил на него тяжёлый стол, как тараном. Бочкарь покачнулся.

И сам врезался в статую.

Каменный гном треснул от бороды до живота. Изнутри хлынули трубы, шестерни и горячая пивная пена. Бочкарь попытался подняться, но теперь в нём было слишком много силы и слишком мало живого тела. Он сделал один шаг. Второй. На третьем его колени окончательно окаменели. Он упал лицом в пену, и холм вздрогнул от удара.

Оставшиеся гномы на миг замерли.

Потом закричали и бросились на нас уже без смеха.

Последняя часть боя была самой грязной. Никакой красоты. Никакого героизма. Мы били тех, кто падал. Подрезали ноги тем, кто ещё стоял. Уводили удары в столы, в бочки, в стены, друг в друга. Эльфийки помогали нам не оружием, а знанием бара: одна закрывала маленькие краны, другая пинала подставки под бочками, третья кричала, когда очередной насос начинал давать новую пену. Гнарл потерял двух бурых у самой стойки, когда пьяный гном схватил их обоих и ударил друг о друга, как молотами. Красный разведчик погиб под рухнувшим желобом, но перед смертью успел перекусить главную подачу к дальним столам.

Через какое-то время гномы перестали смеяться. Потом перестали петь. Потом на холме остался только пар, звон падающих капель и тяжёлое дыхание тех, кто ещё был жив.

Я стоял по колено в пене, опираясь на огненный меч. Руки дрожали. Не от страха. От понимания.

Если бы эти гномы были в полном доспехе. Если бы их было не несколько десятков, а сотни. Если бы они не пили в баре, а вышли из крепости строем, с щитами, Бомберами, снайперами и этим пивом в крови...

Я не договорил мысль даже про себя.

— Вот он, секрет, — сказал Гнарл тихо. Его лицо было в саже, а один рог на плече треснул от удара. — Голдо делает не напиток. Он делает временную армию.

Эйра подошла к нам. Она держалась прямо, хотя её ноги подкашивались. На шее у неё остался медный след от ошейника.

— Это не полная варка, — сказала она. — Здесь только барная подача. Они дают её тем, кто идёт со смены, охране, Бомберам, Непобедимым перед выходом. Настоящая королевская варка в крепости. Там пиво густое, как металл. Они говорят, что после него гном может держаться несколько часов, пока сердце не начнёт стучать как молот.

— А потом? — спросил я.

Эйра посмотрела на бочкаря, который лежал у разбитой статуи и уже не двигался.

— Потом он либо просит ещё, либо больше не встаёт. Но Голдо это устраивает. У него много гномов. И много рабов, чтобы варить новую бочку.

Я подошёл к статуе и заглянул за неё. В черновой надежде я хотел найти там тайный проход, карту крепости, ключ от шахты — что угодно, что оправдало бы эту бойню. Но за статуей не было сокровищ. Только трубы. Три толстые медные жилы уходили в разные стороны. На одной был выбит знак кружки. На второй — знак решётки. На третьей — знак кирки.

Пиво. Тюрьма. Золотая шахта.

— Они связаны, — произнёс я.

— Да, — сказала Эйра. — Из тюрьмы приводят тех, кто танцует, чистит трубы и держит ритм. Из шахты приходит пыль и горький камень для варки. А отсюда пиво идёт в крепость. Голдо кормит им тех, кто охраняет Камень, шахтные ключи и свои ворота.

Гнарл скривился.

— Значит, если мы пойдём к крепости прямо сейчас, нас встретят такие же, только трезвее и в броне.

— Хуже, — ответила Эйра. — Там они не пьют ради веселья. Там они пьют по приказу.

Один из раненых гномов застонал у перевёрнутого стола. Я подошёл к нему. Он был ещё жив, но пивная корка уже сползала с его кожи, оставляя под ней серое, дрожащее тело. Без пены он казался меньше. Почти жалким. Но глаза оставались злыми.

— Камень... — выдавил он. — Вы все опоздали. Крагг донёс. Личники уже начали золотую стражу... Голдо поднимет тех, кто никогда не должен был вставать...

— Кого? — резко спросил я.

Гном рассмеялся, но смех сорвался кашлем.

— Пей пиво, чужак. Может, успеешь понять.

Он умер, так и не договорив.

Я вытер меч о край разбитой бочки и посмотрел на дорогу вниз. Эльфийки уже помогали друг другу снимать остатки цепей. Несколько наших раненых собирали оружие. Гнарл стоял у труб и молча считал потери.

— Мы должны отправить их назад, — сказал я, кивнув на эльфиек.

— Куда назад? — спросила Эйра. — Лес проснулся, корни мертвы, гномы внизу, крепость впереди. У нас нет назад.

Я ничего не ответил. Потому что она была права.

Мы не смогли бы взять всех с собой в крепость, но и оставить их на холме было нельзя. Гнарл открыл короткий, слабый переход до ближайшей безопасной башенной отметки — не полноценный портал, а почти рану в воздухе. Это стоило ему крови из носа и дрожи в руках. Эльфийки ушли по одной. Эйра остановилась последней.

— Если пойдёшь к тюрьме, — сказала она, — не слушай тех, кто будет просить открыть все клетки сразу. Внизу есть клетки для живых. Есть клетки для тех, кто уже выпил. А есть клетки для тех, кого Голдо держит до королевской варки.

— Ты знаешь путь?

— Я знаю ритм дверей. Этого может хватить, чтобы не умереть в первом коридоре. Она шагнула в переход и исчезла.

На холме стало тихо.

Шестьдесят третья глава

«Тюрьма гномов»

Слабый переход, который Гнарл открыл для эльфиек, держался ещё несколько мгновений после того, как последняя из них исчезла в рваной полосе воздуха. Края портала дрожали, будто кто-то пытался зашить рану тупой иглой. Изнутри тянуло холодом башни, мокрым камнем и чем-то родным — тем запахом, который я ещё недавно ненавидел, а теперь начал воспринимать как единственное место, куда можно было отступить и не умереть сразу.

Я стоял среди разбитых бочек, мёртвых гномов и пены, которая уже теряла золотой свет. Бар на холме больше не пел. Он шипел. Сломанные трубы выплёвывали последние капли, статуя толстого гнома лежала на боку с треснувшей бородой, а в желобах застывали чёрные сгустки пива. Даже ветер здесь казался пьяным: он то приносил запах хмеля, то дыма, то крови.

Гнарл держался за свой жезл обеими руками. Нос у него снова кровил после перехода, и кровь капала прямо на пыль, оставляя тёмные пятна между золотыми лужами.

— Всё, хозяин, — прохрипел он. — Больше я сегодня никого не проташу. Даже мышь. Даже очень худую мышь.

— Я понял, — сказал я.

Но портал не закрылся.

Он, наоборот, дёрнулся, расползся тонкой розовой трещиной и выплюнул назад одну фигуру. Эйра упала на колени, кашляя, вцепилась пальцами в камни и подняла на меня глаза. Она успела уйти вместе с остальными, но вернулась. На её шее ещё темнел медный след от ошейника. Волосы липли к лицу, платье было разорвано и обожжено, но смотрела она уже не как пленница у дерева. Смотрела как человек, который сделал выбор и готов заплатить за него.

— Ты что сделала? — резко спросил я.

— Вернулась.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Гнарл издал такой звук, будто его ударили не по голове, а прямо по здравому смыслу.

— Нет. Нет-нет-нет. Я только что выдавил из себя переход, который не развалился по дороге. Она ушла. Она была в безопасности. А теперь она снова здесь. Хозяин, скажи ей, что так не делают.

Эйра поднялась, пошатнулась, но устояла.

— Там безопасно для тех, кто может ждать, — сказала она. — Я не могу. В тюрьме остались мои. И не только мои. Если вы пойдёте туда без того, кто знает нижний ритм, вас заведут в мёртвые клетки ещё до первого вопроса.

— Нижний ритм? — переспросил я.

Она кивнула на три толстые трубы, уходившие из-под разбитой статуи вниз по холмам. На одной был знак кружки. На второй — решётки. На третьей — кирпичи.

— Бар не был отдельным местом, — сказала Эйра. — Он был верхним краном. Тюрьма подаёт людей. Шахта подаёт камень. Бар проверяет дозу. Крепость забирает лучшее. Внизу всё связано. Двери, клетки, цепи, насосы. Даже шаги.

— Шаги? — Гнарл вытер кровь рукавом. — Конечно. У гномов даже шаги, наверное, работают на пиве.

— Почти, — ответила Эйра. — В тюрьме есть мосты-весы. Они знают вес гнома, вес пленника, вес мёртвого и вес того, кто уже выпил. Если идти не так, пол сам сдаёт тебя охране.

Я посмотрел вниз, туда, где дорога от развилки уходила в тёмную лошину. После бара тюрьма уже не казалась отдельной задачей. Это была глотка, через которую Голдо кормил свою систему. Из неё брали эльфиек для ритма, рабов для труб, заключённых для опытов и тех несчастных, кого потом держали до королевской варки. Если оставить тюрьму нетронутой, крепость продолжит получать живой материал. Если ударить в крепость напрямую, тюрьма может закрыться, утопить нижние камеры или отправить всех пленников в варку.

Я сжал рукоять огненного меча Одноглазого. После боя с бочкарём меч был покрыт чёрными пятнами пены, которые не хотели оттираться даже об обручи бочек.

— Штурмовать нельзя, — сказал я.

Гнарл посмотрел на меня так, будто я впервые за день произнёс что-то разумное.

— Да. Нельзя.

— Значит, войдём внутрь не как штурм.

Его лицо стало ещё мрачнее.

— Хозяин, мне очень не нравится, когда ты начинаешь фразу разумно, а заканчиваешь самоубийством.

Я подозвал выживших. Их осталось мало. Трое бурых, один зелёный, двое раненых, которые едва держали оружие, и Гнарл, у которого дрожали пальцы после перехода. Большой отряд умер ещё до тюрьмы. Часть в Гномелии. Часть в баре. И каждый раз мне казалось, что хуже уже не будет, а потом Голдо показывал следующий механизм.

— Мы не берём тюрьму снаружи, — сказал я. — Мы входим внутрь как пленники.

Бурые переглянулись. Один ухмыльнулся, но улыбка получилась кривой.

— Хозяин хочет, чтобы нас поймали?

— Хозяин хочет, чтобы нас пустили туда, куда не пустят живыми с мечами.

— Это почти одно и то же, — буркнул Гнарл.

Эйра подошла ближе к пепельному кругу, где раньше стояла статуя.

— После драки в баре тюрьма будет ждать новых пленников. Это правдоподобно. Гномы не любят оставлять свидетелей снаружи. Если два гнома приведут вас и меня, охрана может

поверить. Но нужно сделать всё правильно. Не говорить лишнего. Не смотреть на мосты. Не отвечать на вопросы раньше того, кто ведёт. И не открывать клетки, даже если кто-то будет просить.

— Ты снова об этом, — сказал я.

— Потому что внизу есть клетки для живых. Есть клетки для тех, кто уже выпил. И есть клетки для тех, кого держат до королевской варки. Первые будут просить помощи. Вторые тоже будут просить. Третьи будут молчать. И именно третьих нельзя будить раньше времени.

Слова Эйры повисли между нами, как холодная цепь.

— Сколько ты знаешь об этой тюрьме? — спросил я.

— Достаточно, чтобы бояться её больше бара.

Гнарл тихо выругался.

План был грязным и плохим, а значит, в наших обстоятельствах почти хорошим. Двое бурых сняли с мёртвых гномов шлемы, тяжёлые куртки и бороды на медных крючках. Издали они могли сойти за низкорослых гномов после плохой драки, если никто не будет смотреть слишком пристально. Один зелёный залез в мешок с разбитыми кружками и трубками: он должен был попасть внутрь как трофейный хлам, чтобы уже в тюрьме выбраться и искать механизмы. Я снял броню, оставил Гнарлу огненный меч, Zero и тяжёлые вещи, которые не мог объяснить у ворот. Оставил почти всё, кроме кольца энергии, спрятанного под грязной тряпкой на запястье.

Гнарл принял меч так, будто я протянул ему не оружие, а собственную голову.

— Я должен это сказать, хозяин. Если тебя там убьют, я буду очень зол.

— Рад, что ты беспокоишься.

— Я беспокоюсь о башне. И о себе. И о том, что мне потом придётся объяснять красным, почему их новый владыка ушёл в тюрьму добровольно.

— Если мы не откроем тюрьму, крепость Голдо станет только сильнее.

— Знаю, — сказал Гнарл уже тише. — Поэтому и не останавливаю.

Он наклонился ближе.

— Но слушай меня внимательно. Если внутри будет знак чёрной кружки, не трогай. Если увидишь золотые наручники без замка, не пытайся ломать. Если услышишь, что стены поют,

не отвечай. Гномы тюрьмы любят, когда с ними разговаривают. Так они понимают, что ты ещё жив.

— Очень полезное напутствие.

— Я могу дать ещё одно: не умирай.

Бурые связали мне руки за спиной. Не по-настоящему крепко, но достаточно для вида. Потом Эйра сама протянула руки.

— Нет, — сказал я.

— Да.

— Ты только что вернулась из безопасности. Я не поведу тебя обратно в цепях.

— Ты не поведёшь. Они поведут. А я буду знать, где нас ведут.

Я хотел возразить, но она посмотрела на меня так, что любые слова стали пустыми. В этом взгляде было не геройство. Геройство часто выглядит громко, почти красиво. У Эйры было другое — усталое, сухое, страшное упрямство человека, который уже видел тюрьму и всё равно идёт обратно, потому что там остались те, кого нельзя бросить.

— Слабо, — сказал я бурому, который держал её цепь. — Только для вида.

— Я понял, хозяин.

— Не называй меня хозяином у ворот.

Бурый моргнул.

— Я понял, свинья-заключённый.

Гнарл даже в такой момент хмыкнул.

Мы спустились с холма. Бар оставался позади, как вскрытый орган. Дорога к тюрьме шла вниз резкими изгибами, между камней, пропитанных пивом и медной зеленью. Чем ниже мы спускались, тем меньше было ветра. Воздух становился тяжёлым, неподвижным. Пахло мокрым железом, старыми цепями, кислой пеной и холодным камнем.

Тюрьма показалась не сразу. Сначала я увидел трубы. Они выходили из земли, поднимались дугами, потом снова ныряли вниз, будто под ложиной лежал огромный медный паук. Потом — фонари. Маленькие, тусклые, с жёлтым светом, который не освещал, а только показывал, сколько вокруг темноты. И лишь после этого — здание.

Оно действительно было небольшим: низкая каменная коробка с двумя воротами и круглой башенкой сверху. Если бы не трубы, я решил бы, что это сторожка, а не тюрьма. Но Эйра тихо сказала:

— Это только горло. Сама тюрьма внизу.

У ворот стояли два гнома. Не пьяные барные работяги. Эти были в тяжёлых коротких латах, с широкими топорами и шлемами без украшений. Один держал левую руку на рукояти, а правая у него была железной от локтя до пальцев. Второй стоял рядом с медным ящиком, из которого торчали три рычага и тонкая трубка, ведущая в землю.

Наши переодетые бурые потащили нас вперёд. Я опустил голову и позволил себе выглядеть слабее, чем был. Это оказалось неприятнее, чем я ожидал. После всех боёв, после Оберона, Мэлвина, оленя, театра, гномьих деревень и пивного бочкаря я всё ещё ненавидел изображать беспомощность. Наверное, потому что слишком часто она была не изображением.

— Стой, — сказал гном с железной рукой.

Мы остановились.

— Кто такие?

Бурый справа пнул меня под колено, заставляя упасть. Я упал достаточно правдоподобно и достаточно больно.

— Доставка после барной драки, — прорычал он гномьим голосом, насколько мог. — Двое пойманы у холма. Один чужак, одна эльфийская беглая. Велели сдать вниз.

Гномы переглянулись.

— Барная драка, говоришь? — второй гном наклонился, разглядывая меня. — А чего это он ещё с головой? После барной драки у нас обычно голова отдельно, тело отдельно, а зубы в кружке.

— Крепкий оказался, — ответил бурый.

— Крепкий?

Гном с железной рукой подошёл ближе и поднял моё лицо за волосы.

Я увидел его глаза. Маленькие, тёмные, трезвые. И понял, что самое опасное в гномьей тюрьме — не пьяная сила. Эти не пили. Эти берегли ясную голову для того, чтобы ломать других.

— Где побои? — спросил он.

— По рёбрам били, — сказал бурый. — Лицо Голдо мог приказать сохранить. Может, опознавать будет.

Гном улыбнулся.

— Голдо не любит неготовую работу.

Он ударил меня железной рукой по лицу.

Мир вспыхнул белым, а потом вернулся с привкусом крови. Кольцо энергии я не использовал: слишком рискованно. Я упал на камни, кашлянул и позволил телу несколько секунд дрожать. Боль была настоящая. Хорошо. Настоящая боль лучше притворной, когда на тебя смотрят такие глаза.

— Вот теперь похоже, — сказал гном.

Эйра дёрнулась, но удержалась. Я заметил, как её пальцы сжались на цепи. Она хотела ударить. Или помочь. Или хотя бы сказать что-то. Но промолчала. И этим, возможно, спасла нас на первом шаге.

— Эльфийка откуда? — спросил второй.

— С бара.

— С бара все эльфийки ушли через разрыв, — сказал гном с ящиком.

На мгновение внутри меня стало тихо.

Они знали.

Бурый не дрогнул. Наверное, потому что не успел понять, насколько близко мы подошли к провалу.

— Не все, — буркнул он. — Эта вернулась за цепью. Дурная.

Гномы посмотрели на Эйру. Эйра опустила глаза и тихо сказала:

— Я думала, там осталась сестра.

В её голосе было столько сломанной правды, что даже я на секунду поверил, хотя знал: она вернулась не за сестрой. Или, может быть, именно за всеми сёстрами сразу.

Гном с железной рукой фыркнул.

— Эльфы всегда возвращаются за тем, что уже потеряли. Поэтому они и в цепях.

Он махнул рукой.

— Открывай горло.

Второй гном потянул первый рычаг. Ворота не распахнулись. Они втянулись внутрь, как зубы. За ними оказался не двор, а круглая шахта с медной клеткой-подъёмником. На стенах шахты висели цепи, крюки, номера камер, трубы, маленькие колокола и узкие глазницы, из которых за нами кто-то наблюдал.

— Внутрь, — сказал железнорукий.

Нас затолкали в клетку. Пол под ногами был из узких железных полос. Под ними темнела глубина. Я успел увидеть, как Гнарл далеко наверху между камнями поднял жезл — едва заметный силуэт в пепельном мареве. Он был там. Ждал сигнала.

Потом ворота закрылись, и клетка пошла вниз.

Спуск длился дольше, чем должен был. Сначала пропал свет ложины. Потом пропал ветер. Потом исчезли даже звуки наверху. Остался только грохот цепей, скрип шестерёнок и далёкое пение труб. Иногда мимо нас проплывали боковые окна. За одним я увидел ряд клеток, где люди и эльфы сидели плечом к плечу, слишком тихие, чтобы быть просто измученными. За другим — камеру с гномом, прикованным к полу четырьмя цепями. Он был раздут, кожа на нём лежала золотистыми буграми, а губы шептали одно и то же:

— Ещё. Ещё. Ещё.

Эйра едва заметно кивнула в ту сторону.

— Уже выпил, — прошептала она.

Ниже было хуже. Там клетки стояли не рядами, а кругами вокруг огромных чановых колодцев. В некоторых камерах сидели силуэты, накрытые тёмными мешками. Они не двигались. Но цепи вокруг них были толще, чем у всех остальных.

— До варки? — едва слышно спросил я.

— Да.

Клетка остановилась. Дверь открылась в приёмный зал тюрьмы.

Если верхнее здание было горлом, то это был желудок. Большой круглый зал уходил вверх и вниз на несколько ярусов. По стенам висели клетки, мосты, лестницы, трубы, подъёмники и решётчатые коридоры. В центре стоял бронзовый стол, похожий на алтарь мясника. Над ним крутились весы с цепями вместо чаш. За столом сидел толстый гном в кожаном фартуке. У него не было оружия. Только перо, книга и маленький молоток для печатей.

— Новые? — спросил он, не поднимая головы.

— После бара, — ответил железнорукий.

Писарь наконец посмотрел на нас.

— После бара у нас уже тридцать семь записей, семнадцать трупов, пять неполных тел, три беглых эльфийки под вопросом, один сломанный внешний узел и отдельная строка: чужак с огнём. Это он?

Он сказал это почти скучно.

Переодетые бурые напряглись. Я почувствовал, как воздух вокруг нас стал тоньше.

Железнорукий пожал плечами.

— Может, он. Может, нет. Отправим вниз, там узнают.

Писарь взял печать, но не поставил её.

— Сначала мост.

Эйра побледнела.

Перед нами опустился узкий медный мост через круглый провал в полу. На другой стороне открылась вторая решётка. Мост был гладкий, без перил. По бокам от него в стенах торчали маленькие слуховые трубы.

— Идти ровно, — прошептала Эйра. — Два коротких, один тяжёлый. Не как человек. Как пленник после побоев.

— А мои гномы? — так же тихо спросил я.

— Им хуже.

Наши переодетые бурые сделали первый шаг. Мост под ними тихо звякнул. Второй шаг. Третий. Где-то внизу щёлкнула шестерёнка. Один из бурых начал идти слишком легко, и Эйра резко наступила ему на ногу цепью. Он споткнулся, выругался и ударил меня в спину для вида. Мост издал низкий, удовлетворённый звук.

Писарь поставил первую печать.

— Пленник бьющийся. Пленница эльфийская. Два доставщика. Мешок хлама. Пропустить на вторую проверку.

Мы прошли мост.

На второй проверке было хуже.

Там не было писаря. Там стояла ванна из тёмного камня, наполненная мутной золотой водой. Над ней висели ошейники. Слева — железные. Справа — медные. В центре — чёрные, толстые, с зелёной искрой в замке.

— Руки, — сказал новый гном-надзиратель.

Он не спрашивал. Он выбирал.

На Эйру надели медный ошейник. Когда замок щёлкнул, она дёрнулась, как от укуса, но не закричала. Мне достался железный, с внутренними шипами. Кольцо энергии под тряпкой сразу потяжелело, будто его залили свинцом. Я попытался едва заметно потянуть ближайший крюк. Ничего. Даже воздух не дрогнул.

Надзиратель усмехнулся.

— Вот так. Внизу все становятся честнее.

Потом он подошёл к переодетым бурым.

— А доставщикам пивная проба.

Один бурый рыкнул слишком по-бурому.

Гномы услышали.

Мгновение растянулось. Я увидел, как рука надзирателя идёт к рычагу тревоги. Увидел, как второй гном берёт короткий молот. Увидел Эйру, которая уже не смотрит на меня, а считает расстояние до колеса у стены. И понял: дальше притворяться не выйдет.

— Сейчас, — сказал я.

Бурые ударили первыми.

Один сорвал с себя фальшивую бороду и врезал шлемом надзирателю в лицо. Второй выхватил спрятанный под курткой короткий нож и прыгнул к рычагу. Эйра рванула цепь на шее не от себя, а вниз, цепляя медное колесо у пола. Зелёный выпал из мешка с трубками, как злая тень, и сразу полез под стол печатей.

Зал взорвался движением.

Я был связан, без меча и с ошейником, который давил на кольцо энергии, но ноги у меня ещё были. Я ударил плечом первого гнома в бок, толкнул его на мост, и тот поскользнулся на мокром металле. Бурый добил его локтем, но тут же получил удар молотом в грудь и отлетел к стене. Второй бурый успел перерубить кожаную тягу у рычага тревоги. Не полностью. Тревога не завывала. Она закашляла.

И этого оказалось достаточно.

По стенам зажглись красные фонари. Не ярко. Сдержанно. Как будто тюрьма не удивилась, а только отметила: наконец-то.

— Не к рычагам! — крикнула Эйра. — К трубам под весами! Там запор клеток!

Зелёный уже был там. Он нашёл тонкую медную трубку, перегрыз её и тут же получил струю горячей пены прямо в лицо. Он зашипел, но не отпустил. Пена пошла на пол, мост под нами дёрнулся, и три решётки в дальнем коридоре поднялись на ладонь.

Из-за них сразу слышались голоса.

— Открой! Открой все! Выпусти нас!

— Не все! — закричала Эйра. — Только левый ряд! Только живых!

Слишком поздно один бурый уже потянул большую цепь у стены. Он хотел помочь. В этом и была беда. Цепь пошла вниз, и в дальнем круге тюрьмы открылись не только левые решётки.

Сначала раздался плач. Потом рычание.

Одна из нижних камер распахнулась, и из неё вывалился гном, который уже пил. Не полностью усиленный, не свежий, а испорченный. Кожа на нём висела каменными лоскутами, руки были слишком длинными, борода пропитана засохшей пеной. Он не понимал, где находится. Он только чувствовал запах открытых тел.

Он схватил первого попавшегося охранника и раздавил его о решётку.

— Назад! — крикнул я.

Надзиратели наконец перестали играть в порядок. С потолка посыпались железные крюки. Из стен выстрелили цепи. Мост под нами разделился на три части, и каждая пошла в свою сторону. Один бурый оказался отрезан у ванны с ошейниками. Эйра — у колеса. Я — между писарским столом и открывающейся нижней камерой.

В этот момент тюрьма заговорила.

Не голосом. Всем сразу. Трубами, стенами, цепями, мостами.

Глухой ритм ударил снизу вверх: раз, раз, пауза, раз. Такой же, как Эйра отбивала в баре, только глубже и медленнее. Пенные насосы начали втягивать воздух. Клетки перестали открываться и начали закрываться обратно, но не там, где надо.

Пленный гном с каменной кожей бросился на меня. Я ушёл в сторону, ударил его связанными руками по локтю, бесполезно, затем всем телом толкнул в бронзовый стол. Стол выдержал. Гном тоже. Он развернулся и схватил меня за плечо.

Кольцо энергии дёрнулось, но ошейник сдавил запястье так, что по руке прошла боль. Я всё равно вырвал из-под стола железную печать. Не поднял — выцарапал её на полшага. Этого хватило. Печать ударила гнома в колено. Он споткнулся. Эйра, находясь на другом конце зала, ударила цепью по своему колесу. Мост под ногами гнома наклонился, и он с рёвом рухнул в боковой провал, где сразу захлопнулись решётки.

— Молодец! — крикнул я.

— Это был не тот провал! — ответила она.

Сверху в зал ворвались новые гномы. Не много — шесть или семь. Но они шли строем, с короткими щитами и крючьями. Один нёс маленькую бочку на спине. Я сразу понял, что это значит.

— Не дайте им пить!

Бурый у ванны прыгнул на гнома с бочкой. Тот ударил его щитом, прижал к стене и открыл кран прямо себе в рот. Пиво было не золотым и не чёрным. Бледное, густое, почти белое. Тюремная доза.

Гном выпил три глотка.

Мышцы на его руках вздулись, но глаза остались трезвыми.

— Охрана пьёт иначе, — прошептала Эйра.

Теперь я понял, почему она боялась тюрьмы больше бара. В баре гномы становились сильными и слишком уверенными. Здесь охрана становилась сильной и оставалась дисциплинированной.

Гном с тюремной дозой ударил бурого об пол. Раз. Второй. На третьем ударе бурый перестал двигаться.

Я бросился к нему, но цепь ошейника внезапно натянулась. Не моя — та, что выстрелила из стены. Железный крюк сомкнулся на моём воротнике и потащил назад. Я упал, ударился затылком о пол, попытался перекатиться, но второй крюк схватил ноги. Зелёный выскочил из-под стола, перерезал одну цепь, и тут же получил удар древком в живот. Его подняли на крюк, как мешок.

Эйра закричала. Не от страха. От злости.

Она развернулась, намотала свою цепь на оба запястья и с такой силой ударила по колесу, что медные зубья разлетелись. На мгновение весь зал перекошило. Мосты задрожали, фонари погасли, одна из верхних клеток открылась, и оттуда посыпались люди, эльфы, гномы должники, кто-то ещё — слишком много лиц сразу.

Если бы у нас было оружие, если бы Гнарл был внутри, если бы не ошейники, это могло стать началом восстания.

Но тюрьма была построена именно для таких “если”.

Из потолка хлынула пена.

Не пиво. Холодная, серая, тяжёлая. Она падала не струями, а пластами, как мокрая глина. Там, где она касалась кожи, мышцы немели. Там, где попадала на цепи, замки закрывались сами. Люди, выбравшиеся из верхней клетки, рухнули на пол, даже не успев добежать до нас.

— Сонная пена! — крикнула Эйра. — Не дыши!

Я задержал дыхание, но поздно. Холод вошёл в нос, в горло, в глаза. Мир поплыл. Я увидел, как гном с белой тюремной дозой спокойно идёт сквозь пену, будто через дождь. Увидел, как второй бурый пытается подняться, но его руки уже скованы. Увидел, как Эйра всё ещё стоит на коленях у сломанного колеса и пытается ударить ещё раз.

Писарь, который всё это время прятался за бронзовым столом, поднял голову и наконец поставил вторую печать.

— Записать, — сказал он. — Попытка ложной доставки. Два переодетых зверька. Одна эльфийская беглая. Один чужак с признаками огня. Особый порядок.

Я попытался сказать Гнарлу через связь, через боль, через любую тонкую нить, которая ещё могла тянуться к башне. Но ошейник сжал горло. Вместо мысли вышел только хрип.

Гном с железной рукой присел передо мной. Его лицо расплывалось, но улыбку я видел ясно.

— Снаружи тебя, наверное, ждут? — спросил он. — Пусть ждут. Тюрьма любит, когда кто-то ждёт у дверей.

Он ударил меня по виску железными пальцами.

На этот раз притворяться не пришлось.

Когда я пришёл в себя, меня уже вели.

Нет — тащили. Двое гномов держали меня под руки. Ошейник на шее был теперь чёрным, с зелёной искрой в замке. Руки были скованы перед собой настоящими кандалами. Кольцо энергии не просто молчало — оно было будто чужим куском металла на пальце. Откуда-то издалека доносились крики. Не бой. Обычная работа тюрьмы.

Эйру вели рядом. На ней был такой же чёрный ошейник, только тоньше. Лицо у неё было разбито, губа кровила. Но глаза оставались ясными.

— Ты жива? — прошептал я.

— Пока.

— Остальные?

Она не ответила сразу.

— Зелёного увели вниз. Одного бурого убили. Второго не видела.

Я закрыл глаза на секунду. Плохой план стал ещё хуже. Мы хотели попасть внутрь как пленники. Попали. Только тюрьма забрала у нас выбор, когда перестать быть ими.

Коридор, по которому нас вели, был узким и круглым, словно мы шли внутри трубы. По обеим сторонам тянулись камеры. В одних сидели живые: люди, эльфы, полурослики, редкие

гномы с пустыми глазами. Они смотрели на нас, но почти не говорили. В других камерах кто-то шептал из темноты: “Открой. Я ещё человек. Я ещё помню имя”. В третьих не было видно никого, только тяжёлые цепи уходили в стены, а за решётками медленно поднимался и опускался пар.

Мы прошли мимо двери, на которой висели три замка: железный, медный и чёрный. Из-за неё доносилось глухое биение, будто там стучало огромное сердце.

— Королевская варка? — спросил я едва слышно.

Эйра кивнула.

Гном, который тащил меня слева, услышал и хохотнул.

— Нет. Это ещё не варка. Это те, кто пережил пробу.

Он сказал это с гордостью.

В конце коридора нас втолкнули в клетку. Не в одиночную. В длинную, низкую камеру с влажным полом, где уже сидели пленники. Несколько эльфов подняли головы. Один старик без волос и с медными шрамами на руках посмотрел на Эйру и побледнел.

Дверь камеры закрылась. Три замка щёлкнули один за другим. Где-то далеко наверху, за слоями камня, труб и решёток, наверное, Гнарл всё ещё ждал условного сигнала.

Сигнала не было.

Я прислонился к холодной стене и впервые за долгое время позволил себе не двигаться. Тюрьма гудела вокруг, как огромная бочка, внутри которой держали не пиво, а живых.

И только тогда я понял: наш план сработал слишком хорошо.

Мы вошли в тюрьму как пленники.

И тюрьма поверила нам до конца.

Шестьдесят четвёртая глава

«Вербовка преступников»

Когда за нами закрылась решётка общей камеры, я впервые за долгое время не стал сразу искать, чем её выбить.

Не потому, что сдался.

Просто теперь я знал: эта тюрьма была построена именно для тех, кто первым делом ищет, чем выбить решётку.

Камера оказалась длинной и низкой, будто её вырубил не для людей, а для мешков с мокрой рудой. Потолок давил на голову. По стенам текла вода. В углах стоял пар, пахнувший железом, кислым пивом и чем-то живым, что слишком долго держали под землёй. На полу не было соломы. Только влажные каменные плиты, в которые были вделаны кольца для цепей.

Эйру втолкнули рядом со мной. Она ударилась плечом о стену, но не издала ни звука. Чёрный ошейник на её шее вспыхнул зелёной искрой, словно был доволен новым хозяином. Мой ошейник ответил таким же коротким огнём. Кольцо энергии на руке стало тяжёлым и мёртвым. Оно лежало под грязной тряпкой, как чужой зуб, который уже не принадлежал моему телу.

В камере уже сидели пленные.

Эльфы.

Не те из песен, не те из старых легенд о чистых рощах, прозрачных мечях и бессмертных глазах. Эти были худые, серые от подземной пыли, с пальцами, изломанными кирками, с медными ожогами от ошейников и золотистыми пятнами на коже там, где пивная пена прожигала плоть. У некоторых волосы были сбиты. У некоторых уши были надломлены. У некоторых взгляд был настолько пустым, что я сперва решил: они уже мертвы, просто тюрьма ещё не внесла это в книгу.

Старик без волос, с медными шрамами на предплечьях, смотрел не на меня. На Эйру.

— Ты вернулась, — сказал он.

Эйра застыла.

Одно слово сделало с ней больше, чем все удары надзирателей. До этого она держалась сухо, почти зло, как человек, которому некогда бояться. А теперь лицо у неё на мгновение стало совсем молодым. Не слабым. Нет. Просто в нём открылось что-то, что она успела спрятать ещё на пивном холме.

— Саэр? — тихо спросила она.

Старик кивнул.

— Я думал, тебя вывели к верхней подаче.

— Вывели, — сказала Эйра. — Я ушла.

— И вернулась?

— Да.

Старик долго смотрел на неё, потом отвёл глаза.

— Значит, верхний воздух оказался хуже нижнего.

— Нет, — ответила Эйра. — Просто внизу остались мои.

Несколько пленников подняли головы. Это движение было почти незаметным, но камера сразу стала другой. До этой секунды мы были новыми телами, которые бросили к старым телам. Теперь Эйру узнали. А вместе с ней, хочешь не хочешь, заметили и меня.

— Кто он? — спросил кто-то из тёмного угла.

— Чужак, — ответила Эйра.

— Чужаков здесь быстро делают местными, — сказал старик Саэр.

— Он не такой.

— Все первые сутки говорят так.

Я сел у стены, насколько позволяли кандалы, и улыбнулся краем разбитого рта.

— А потом?

Саэр перевёл на меня взгляд.

— Потом перестают говорить.

Он сказал это без угрозы. Просто сообщил тюремное правило, такое же привычное, как расписание кормёжки.

— Тогда мне нужно успеть до этого момента, — сказал я. — Я Николаус.

В камере кто-то тихо фыркнул.

— Здесь имена гложут быстрее, чем крики.

— А номер? — спросила Эйра, не глядя на меня.

Я понял, о чём она.

— Двести шестьдесят один, — сказал я.

Старик чуть нахмурился. Не потому, что понял. Скорее потому, что почувствовал: это не обычное имя.

— Плохой номер, — пробормотал он.

— У меня много плохого.

Саэр посмотрел на чёрный ошейник на моей шее.

— Тогда начнём с худшего. Ты теперь не волен. Чёрный ошейник глушит не только магию. Он глушит зов, клятву, кровь, кольца, башенные нити, даже те мысли, которые слишком сильно хотят выйти наружу. Если у тебя есть кто-то снаружи, он не услышит тебя.

Я не ответил.

Гнарл был где-то наверху, возле мёртвого бара, с моим огненным мечом, Zero и остатками отряда. Он ждал сигнала. А сигнал не придёт. Не сейчас. Возможно, вообще никогда, если я не найду способ заставить тюрьму говорить вместо меня.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда рассказывай, как здесь всё устроено.

Старик усмехнулся.

— Хорошо? Нет, чужак. Хорошо было там, где тебя ещё не били за дыхание.

Эйра опустилась рядом с ним. Цепи тихо заскребли по мокрому полу.

— Саэр, — сказала она. — Эллари жива?

Вопрос повис между нами.

Даже те, кто не знал этого имени, перестали шевелиться.

Старик закрыл глаза. На мгновение мне показалось, что он не ответит. Не потому, что не знает, а потому, что иногда правда выглядит как ещё один надзиратель: она приходит не для спасения, а чтобы ударить правильно.

— Жива, — наконец сказал он.

Эйра резко выдохнула.

— Где?

— В другом отделении. Не здесь. В западном крыле, где держат ритмовых. Её водят во двор на общую сортировку через день. Она ещё может ходить сама.

«Ещё» прозвучало хуже любой угрозы.

Эйра сжала пальцы так, что костяшки побелели.

— А мама? Отец?

Саэр опустил взгляд.

— Их нет в тюрьме.

Эйра побледнела, и я на секунду решил, что старик сейчас скажет: мертвы.

Но он сказал другое:

— Их увели в золотую шахту.

Эйра не сразу поняла. Потом медленно подняла голову.

— В шахту Голдо?

— Да.

— Почему?

— Потому что твой отец знает нижние песни камня. Потому что твоя мать умеет слышать жилу до обвала. Потому что Голдо не только пьёт золото. Он его слушает. А когда гном хочет слушать землю, он не сам прикладывает ухо. Он берёт эльфа и заставляет его приложить сердце.

Эйра закрыла глаза.

В этом жесте не было слёз. Слёзы в тюрьме, похоже, тоже были роскошью. Но я увидел, как её плечи едва заметно дрогнули. Старшая сестра — в другом отделении. Родители — в золотой шахте. Значит, тюрьма была не концом пути. Это была развилка чужих страданий.

— Сколько времени? — спросила она.

Старик понял вопрос сразу.

— Мало.

— Сколько?

— До следующей большой перегонки — два дня. Может, меньше, если наверху действительно был бой и им нужно срочно заменить ритм. После перегонки ритмовых эльфиек могут отправить к крепости. Шахтных — глубже. А тех, кого держат до королевской варки... — он замолчал и посмотрел на стену, будто там была дверь, за которой шевелилось чужое сердце. — Тех уже не возвращают к именам.

Я тихо спросил:

— Значит, времени сбежать нет.

Саэр взглянул на меня.

— Из этой тюрьмы вообще нет времени сбежать. Здесь всё построено так, чтобы ты постоянно опаздывал. Опоздал на смену — тебя бьют. Опоздал на еду — тебя не кормят. Опоздал лечь под цепи — цепи сами тебя находят. Опоздал открыть правильную клетку — открывается неправильная. Опоздал с побегом на один день — тех, кого хотел спасти, уже увели вниз.

— Тогда нужно не сбегать, — сказал я.

Эйра повернула голову.

— А что?

— Вербовать.

В камере снова стало тихо.

Из тёмного угла послышался сухой смешок.

— Вербовать? Здесь?

— Да.

— Кого? Преступников?

Я посмотрел на эльфов. На шрамы. На сломанные руки. На медные ошейники. На тех, кто сидел слишком ровно, потому что позвоночник уже не позволял иначе.

— Если Голдо записал вас преступниками, — сказал я, — значит, начнём с преступников.

Саэр долго смотрел на меня.

— Чужак, ты плохо понимаешь слово «тюрьма».

— Я часто плохо понимаю слова до того, как они пытаются меня убить.

— Тюрьма не держит нас только решётками. Тюрьма держит нас расписанием.

— Рассказывай.

Саэр провёл пальцем по мокрому полу и начал чертить.

Не карту. Ритм.

— Утром первая цепь. Камеры открываются не все. Сначала живые. Потом должники. Потом ритмовые. Камеры выпивших не открывают, если только нужен страх. Нас выводят на камни. Работаем до первого гудка. Камни не простые: горький пласт из шахты. Его дробят здесь, потом по трубам пускают в варочные цехи. Если ударяешь слишком быстро, мосты слышат неправильный вес. Если слишком медленно — надзиратель слышит усталость. Усталость здесь считается сопротивлением.

Он начертил три линии.

— Потом баланда. Не есть золотые комки. Они не еда. Они метят желудок. После еды — вторая смена или двор, если нужна сортировка. Вечером всех пристёгивают. Не просто закрывают. Пристёгивают к кольцам пола. Руки отдельно. Ноги отдельно. Шею цепляют короткой

дугой, чтобы не удавился, но и не сел резко. Ночью стены слушают. Кто говорит во сне — того уводят.

— Куда? — спросил я.

— В комнаты вопросов.

— Комнаты?

Саэр кивнул.

— У этой тюрьмы нет коридоров в обычном смысле. Есть комнаты работы, комнаты еды, комнаты сна, комнаты вопросов, комнаты перегонки, комнаты весов и комнаты молчания. Ты не идёшь туда, куда хочешь. Тебя везут туда, где ты нужен механизму.

— Кто главный?

— Здесь? Начальник нижнего режима — Кворн Железнурукый. Тот, кто бил тебя у входа. Над ним — мастер тюремной варки Баргут. Над Баргутом уже крепость. Над крепостью — Голдо. Но внизу часто не нужен живой приказ. Механизм сам знает, кого закрыть.

— А ключи?

Старик криво усмехнулся.

— Ключи здесь не висят на поясе у одного дурака. Железные камеры открываются рычагами. Медные — ритмом труб. Чёрные — печатями писаря и кровью надзирателя. А ошейники... — он посмотрел на моё горло. — Чёрный ошейник снимается только в трёх местах: у стола писаря, в комнате вопросов или перед королевской варкой.

— Прекрасный выбор, — сказал я.

— Нет, чужак. Выбора у тебя нет.

— Пока нет.

Саэр хотел ответить, но в коридоре ударил колокол.

Не громко. Глухо. Как сердце в железном сундуке.

Все в камере сразу изменились. Кто сидел — встал. Кто лежал — поднялся. Кто не мог подняться — повернулся лицом к решётке. Это было не послушание. Это была выработанная телом память о боли.

Из стены выдвинулись цепи.

— Вечерняя пристёжка, — прошептала Эйра.

Я не успел спросить, что делать. Дверь камеры открылась, и внутрь вошли двое гномов в коротких латах. За ними — низкая тележка с железными дугами.

— По кольцам, грязь, — сказал один.

Нас не били, пока мы двигались достаточно быстро. Это было почти вежливо.

Пленники легли на пол вдоль стен. Один за другим. Гномы цепляли руки, ноги и шеи к кольцам. Не слишком туго, чтобы убить. Достаточно туго, чтобы каждый вдох напоминал: ты лежишь здесь потому, что тебе разрешили.

Когда очередь дошла до меня, чёрный ошейник щёлкнул сам, соединяясь с короткой цепью у пола. Мир сразу стал ближе к камню. Я попытался повернуть голову к Эйре, но цепь не дала.

Гном заметил движение и усмехнулся.

— Не дёргайся. Умный ошейник любит глупые шеи.

Он ушёл. Решётка закрылась.

Через несколько мгновений свет в коридоре стал тусклым. В камере остались только дыхание, капли воды и далёкое пение труб.

Эйра лежала через два тела от меня. Я видел только край её лица и серебро грязных волос.

— Эйра, — прошептал я.

Цепь на моём ошейнике сразу дрогнула.

Саэр тихо сказал:

— Стены слушают.

Я замолчал.

Тогда Эйра начала едва заметно постукивать пальцем по камню.

Два коротких. Один длинный. Пауза. Один короткий.

Нижний ритм.

Я не понял смысла. Но понял главное: она всё ещё думала. А если она думала, значит, и я имел право не спать.

Тем временем в пустыне ночь была белой.

Не светлой. Именно белой — как кость, вываренная солнцем и забытая под холодной луной.

Песок лежал волнами вокруг разрушенного алтаря. Камни, торчавшие из земли, были чёрными от старого огня. Между ними стоял Клык.

Он не выглядел так, как на арене проекта «Короли», где его видели люди, привыкшие к электрическому свету, мониторам и страху смерти. Здесь он был старше. Выше. Тень от него падала против луны, а на песке шевелилась так, будто в ней было больше костей, чем в теле.

Перед алтарём лежал человек.

Нет — то, что ещё только вспоминало, как быть человеком.

Сначала из песка поднялись пальцы. Потом плечи. Потом голова без кожи, но с тьмой под черепом. Песок облеплял его, превращался в сухожилия, в старые доспехи, в плащ, который когда-то мог быть царским, а теперь напоминал вырванную из могилы ночь.

Старый повелитель Башни открыл глаза.

В них не было жизни.

Но там была память о власти.

— Я умер, — сказал он.

Голос прозвучал так, будто его произнесли сразу из могилы и из колодца.

Клык улыбнулся.

— Ты всегда начинаешь с очевидного.

— Где мой камень?

— Не у тебя.

Старый повелитель поднялся на одно колено. Песок осыпался с его плеч.

— Ты обещал мне возвращение.

— Я дал тебе больше шансов, чем ты заслужил.

— Мой камень...

— Твой? — Клык наклонил голову. — Ты всё ещё говоришь «мой», как будто хоть что-то когда-либо принадлежало тебе по-настоящему. Камень Воскрешения был крючком. Ты проглотил его. Одноглазый спрятал. Мэлвин носил на себе как украшение, не понимая. Крагг вырвал его из чужого тайника. Теперь Голдо прячет его в железе и золоте. Заметь, старый друг: все уверены, что владеют им. И никто не спрашивает, почему он всё ещё идёт туда, куда мне нужно.

Старый повелитель медленно сжал пальцы.

— Зачем ты вернул меня без камня?

— Чтобы ты вспомнил приказ.

Пустыня стала тише.

Даже песок перестал шевелиться.

Клык подошёл ближе.

— Роза.

Старый повелитель дёрнул головой, будто имя ударило его по внутренней ране.

— Двести шестьдесят один, — продолжил Клык.

Глаза повелителя загорелись тусклым красным светом.

— Они пришли?

— Они уже давно здесь. Один ломает мои замки, называя это спасением. Вторая бежит по чужим городам и думает, что может открыть путь домой.

— Ты хочешь, чтобы я убил их.

— Я хотел этого с самого начала. Ты просто умер раньше, чем сделал полезное.

Старый повелитель поднялся. Тело из песка и тьмы дрогнуло, но удержалось.

— Отряд «Молния» ещё не пал полностью.

— А ты всё ещё слушаешь старые условия, — сказал Клык. — Забавно. Я возвращаю тебя не как награду. Я возвращаю тебя как напоминание. Пока последние из «Молнии» дышат, ты не получишь полного тела. Пока Роза и двести шестьдесят первый живы, ты не получишь башню. Пока ключи выходят из бездн, дверь становится тоньше. Твоя задача проста: найди их раньше, чем они поймут, что собирают.

— А если я найду сначала Голдо?

Клык посмотрел на пустыню.

— Голдо думает, что золото — это власть. Пусть пока думает. Алчные полезны тем, что несут тяжёлые вещи туда, где их удобно отнимать.

Старый повелитель усмехнулся. Песок посыпался из трещин на его лице.

— Ты боишься Розы.

Улыбка Клыка исчезла.

На миг пустыня стала похожа не на место, а на открытую пасть.

— Я боюсь только дверей, которые открываются не изнутри, — сказал он. — Роза — рука. Двести шестьдесят первый — кровь. Вместе они могут сделать то, что не должно произойти.

— Вернуть себя домой?

— Хуже.

Старый повелитель ждал.

Клык отвернулся.

— Они могут выбрать, какую дверь открыть.

После этих слов он провёл рукой над алтарём. Из-под песка поднялся чёрный обломок короны — не настоящий венец, а знак прежней власти. Старый повелитель взял его, и тень вокруг него стала плотнее.

— Иди, — сказал Клык. — Пока ты не полон, ты будешь жить в песке, костях и чужих страхах. Но для начала хватит.

— Где искать?

— Пустыня помнит Кана и Юлию. Юг помнит Розу. Золото помнит Голдо. А башня...

— Клык улыбнулся снова. — Башня всё ещё думает, что у неё новый хозяин.

Старый повелитель надел обломок короны.

Песок вокруг него начал чернеть.

— Я найду Розу, — сказал он. — Я найду двести шестьдесят первого.

Клык смотрел, как древняя тень уходит в белую ночь.

— Конечно, — прошептал он. — Все мои мертвецы так говорят.

Утро в тюрьме началось с боли.

Не с колокола. Колокол был позже. Сначала цепь у шеи резко натянулась, заставляя меня дёрнуться, вдохнуть сырой воздух и удариться затылком о камень.

— Живой, — сказал гном за решёткой.

— Рад, что вы проверили, — прохрипел я.

Он открыл маленькое окошко в двери и плеснул в камеру ведро ледяной воды.

Пленники приняли это молча. Я — нет. Вода ударила по лицу, попала в разбитую губу, и я выругался.

Гном остановился.

— Ещё говорит.

— Это пройдёт? — спросил я.

— Обычно да.

Дверь открылась. Вошли четверо. Один нёс короткий топор, второй — связку цепей, третий — деревянную палку с медным наконечником, четвёртый — книгу на ремне.

Не писарь из приёмного зала. Младший учётчик. Даже здесь у ада была канцелярия.

— Подъём, каменная грязь, — сказал гном с топором. — Сегодня работа.

— Вчера была не прогулка, — пробормотал я.

Медный наконечник палки ударил меня в рёбра.

Боль вспыхнула так резко, что мир на мгновение стал красным. Чёрный ошейник тут же сжал горло, будто напоминая: если я даже подумаю использовать кольцо, он сожмёт сильнее.

— Он мне нравится, — сказал гном с книгой. — Весёлый.

— Весёлых хватает на два дня, — ответил топорный.

С нас сняли ночные цепи и построили вдоль стены. Эйра держалась ровно. Под глазом у неё темнел новый синяк, губа снова открылась. Саэр стоял рядом с ней, чуть согнувшись, но глаза у него были ясные.

Я понял, что старик опасен.

Не телом. Телом его можно было сломать одним ударом.

Опасен памятью.

Нас повели по круглому коридору, внутри которого стены были исписаны не буквами, а насечками. Толстые, тонкие, двойные, косые. Я сначала принял их за счёт дней. Потом заметил: эльфы, проходя мимо, почти незаметно меняют шаг.

— Ритм? — прошептал я Эйре.

Она не повернула головы.

— Молчи.

— Я люблю короткие ответы.

— Тогда коротко: да.

Перед нами открылась решётка, и нас вывели в рабочий двор.

Это был не двор в привычном смысле. Скорее огромная каменная яма, обнесённая ярусами решёток. Сверху, далеко над головой, виднелся круг тусклого света. Не небо — только шахтный фонарь, усиленный линзами. По краям стояли кучи тёмного камня. Между ними ходили пленники с кирками. Некоторые били по камню. Некоторые таскали обломки к медным желобам. Желоба дрожали и уносили дроблёный пласт куда-то в стену.

Гномы наблюдали с мостков.

Их было меньше, чем пленников.

Но здесь число не имело значения. Над каждым рядом висели крюки. Под каждым участком пола были весы. У каждого выхода стояла медная труба, готовая плюнуть пеной, паром или цепью.

Надзиратель с железной рукой стоял у главных ворот двора.

Кворн.

Я узнал его по тому, как он смотрел. Не на лица. На суставы, дыхание, шаг, слабые места. На меня он взглянул с лёгким интересом, как мясник на тушу, которая вчера ещё брыкалась.

— Новых к третьему ряду, — сказал он. — Эльфийскую беглую — к ритмовым. Чужака — на горький пласт.

Эйру начали уводить.

Я сделал шаг.

Цепь на моём ошейнике вспыхнула, и медный наконечник тут же ударил меня между лопаток.

— Не твой ряд, — сказал гном.

Эйра успела только бросить на меня взгляд.

Не геройский. Не красивый. В нём было одно: не испорти всё раньше времени.

Я взял кирку.

Работа над камнями оказалась хуже боя.

В бою боль честная. Она приходит сразу, с именем того, кто её принёс. Здесь боль была медленная, тупая, безличная. Камень не ненавидел меня. Он просто не хотел ломаться. Каждый удар отдавался в ошейник, в запястья, в рёбра, в старые ушибы после тюремной пены. Через час ладони горели. Через два я начал понимать, почему эльфы в камере говорили короткими фразами: длинные мысли здесь стоили сил.

Рядом со мной работал молодой эльф с обритой головой и медным шрамом через губу.

— Не бей в середину, — прошептал он, не поднимая головы. — Пласт глухой. Бей по жёлтой жилке. Если даст звон — ещё два удара и в желоб.

— Спасибо.

— Не благодари. Здесь за благодарность тоже бьют. Думают, что заговор.

Я ударил по жёлтой жилке. Камень действительно дал тонкий звук и раскололся после третьего удара.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Тирен.

— Ты знаешь западное отделение?

Он едва заметно напрягся.

— Кто спрашивает?

— Тот, кто хочет открыть двери.

Тирен чуть не промахнулся по камню.

— Не говори так.

— Тогда слушай так.

Он молчал.

— Там Эллари? — спросил я.

Тирен на мгновение перестал дышать.

— Ты пришёл с Эйрой.

— Да.

— Эллари жива. Но западное отделение выводят редко. Если сегодня двор общий, она может быть там.

— Как узнать?

— Услышишь.

— Что?

Он ударил киркой.

— Она не ломается.

Роза не любила темницы.

У неё было достаточно причин не любить клетки вообще, но темница Небесной Обители занимала особое место. Здесь стены были белые. Чистые. Сухие. На них висели изображения солнца, крыльев и святых чаш. Из-за этого грязь в углах казалась не просто грязью, а обвинением.

Паладины Вильяма умели делать так, чтобы пленник чувствовал себя виноватым даже за то, что его поймали.

Роза сидела на каменном полу, прислонившись к стене, и смотрела на решётку. За решёткой стояли двое стражей в белых плащах. Один кашлял в кулак, стараясь делать это тихо. Второй всё время трогал край шлема, будто боялся, что под ним что-то шевелится.

Чума уже была здесь.

Не наверху, где люди ещё покупали свечи и молились в чистых дворах.

Внизу.

В дыхании.

В мокрых тряпках, которыми протирали пол.

В катакомбах, куда паладины сбрасывали тех, кто начинал кашлять слишком громко.

Роза закрыла глаза и прислушалась.

Где-то далеко царапали камень. Не крысы. Крысы двигаются мелко, жадно. Это было медленнее. Настойчивее. Так скребут пальцами те, кто уже не помнит, зачем нужны ногти, но ещё помнит, что за стеной есть тепло.

Она опустила руку под грязный плащ и коснулась Чаши Возврата.

Паладины приняли её за миску. Глупую, старую, треснутую. Один даже смеялся, когда бросал её в угол вместе с вещами пленницы.

«Пусть ест из своего мусора», — сказал он.

Роза тогда улыбнулась.

Очень тихо.

Теперь эта миска была единственной вещью в темнице, ради которой стоило не убивать всех сразу.

Ей нужна была кровь.

Её кровь и кровь Николауса.

Двести шестьдесят первого.

Где он был сейчас — она не знала. Башня? Лес? Гномьи холмы? Мёртвый? Нет. Мёртвым она не позволяла ему быть. Не из нежности. Из упрямства.

Если он умер, значит, весь этот путь был ошибкой.

А Роза не любила ошибаться.

Страж, который кашлял, вдруг согнулся сильнее. Второй шагнул к нему.

— Опять?

— Ничего, — прохрипел первый. — Пыль.

— Здесь нет пыли.

— Тогда святость.

Он попытался рассмеяться, но вместо смеха из горла вышел мокрый хрип.

Роза подняла голову.

— Вам надо позвать лекаря.
Стражи посмотрели на неё.
— Молчать.
— Он умрёт через час.
Кашляющий паладин побледнел.
— Заткнись, ведьма.
— Через два он встанет снова. Если повезёт, уже без меча. Если нет — с мечом и голодом.
Второй страж выругался и подошёл к решётке.
— Я сказал: молчать.
— А я сказала: позови лекаря. Или открой дверь, и я посмотрю.
Он ударил кулаком по прутьям.
— Думаешь, я дурак?
Роза улыбнулась.
— Нет. Я думаю, ты боишься умереть раньше него.
Это сработало.
Страх почти всегда работает быстрее разума.
Паладин открыл наружный замок, оставив цепь на двери, и просунул внутрь длинный крюк, чтобы отодвинуть миску от Розы. Она не двинулась. Он потянулся чуть дальше.
Роза бросила в него чашу.

Не сильно. Не чтобы убить. Чтобы разбить край о прутья и заставить его моргнуть.
Кровь у него пошла из брови. Он рванулся назад. Роза уже была у решётки. Цепь на двери натянулась. Она схватила крюк, ударила им по руке, вывернула, притянула стража лицом к прутьям и ударила лбом.
Второй паладин выхватил меч.
Кашляющий согнулся ещё сильнее, и из его рта хлынула чёрная кровь.
Меч задержался на одно мгновение.
Розе хватило.
Она просунула руку через решётку, выдернула ключи с пояса первого, открыла цепь, распахнула дверь и ударила второго коленом в живот. Потом крюком — по шее. Не смертельно. Почти.

Она не хотела поднимать лишний шум.

Кашляющий паладин упал на колени.

— Помоги...

Роза забрала Чашу Возврата, спрятала под плащ и посмотрела на него.

— Я уже помогла. Ты теперь знаешь, что не пыль.

Она побежала.

Коридор темницы вывел её не вверх, как она рассчитывала, а вниз. Белые стены быстро закончились. Начались сырые камни, потом старые кирпичи, потом катакомбы.

И там Небесная Обитель перестала притворяться небесной.

Под городом лежал другой город.

Город нежити.

Улицы из костей. Арки из старых гробов. Канавы с мутной водой, в которой отражались не лица, а черепа. На стенах горели зелёные лампы. Не свечи — гнилые огни в чашах из челюстей. По улицам ходили мёртвые в остатках паладинских плащей, купеческих кафтанов, детских рубашек. Некоторые просто бродили. Некоторые таскали камни. Некоторые стояли у стен, словно ждали приказа.

А в глубине, под самым основанием святого города, гудел трон.

Не музыка. Не механизм.

Присутствие.

Роза спряталась за колонной, пока мимо прошла группа мертвецов. Один повернул голову. У него не было глаз, но он будто почувствовал живое тепло.

Она медленно вынула нож у паладина из пояса.

— Мне нужен двести шестьдесят первый, — прошептала она, сама не зная, кому говорит.

— Николаус. Чужак. Номер двести шестьдесят один.

Мертвец остановился.

Его челюсть медленно открылась.

— Две... двери... — прохрипел он.

Роза замерла.

— Что?

— Две... крови... две... двери...

За ним повернулись другие.

Роза поняла, что произнесла имя слишком громко.

Из переулка вышел белый скелет в старом плаще. Он был далеко, но его появление сразу изменило весь подземный город. Мертвецы выпрямились. Те, кто бродил без цели, стали смотреть в одну сторону.

Скелет поднял голову.

Роза отступила в тень.

— Вот и хорошо, — прошептала она. — Значит, здесь тоже кто-то знает.

Она побежала глубже в город нежити, не вверх к свету, а туда, где мёртвые шептали о двух кровях и двух дверях.

Она всё ещё искала меня.

К обеду руки у меня дрожали так, будто я всё утро дрался с каменной горой и проиграл по очкам.

Нас повели в столовую.

Столовая тюрьмы была длинной комнатой с низкими сводами и тремя рядами каменных жёлобов вместо столов. Бланду наливали сверху через трубы. Она падала в миски серой массой, с редкими золотистыми пузырями. Эльфы ели молча, быстро, не глядя в еду. Те, кто глядел, обычно переставали есть.

Я сел рядом с Саэром и Тиреном. Эйру посадили через ряд, ближе к ритмовым. Между нами ходил гном с медной палкой.

— Говорить нельзя? — спросил я одними губами.

Саэр не посмотрел на меня.

— Можно. Если умеешь жевать словами.

— План.

— Ты всё ещё держишься за это слово.

— Оно легче, чем кирка.

Саэр размешал бланду пальцем и, не поднимая головы, сказал:

— Слушаю.

— Сегодня я должен увидеть Эллари.

— Не ты. Эйра.

— Я тоже.

— Зачем?

— Потому что мне нужно знать, кто сможет поднять западное отделение.

Саэр впервые посмотрел прямо на меня.

— Ты действительно хочешь поднять тюрьму изнутри.

— Нет. Я хочу открыть правильные двери в правильную минуту.

— А неправильные?

Я вспомнил раздутого гнома с золотой кожей, которого выпустили в приёмном зале. Вспомнил, как он раздавил охранника, даже не понимая, кого убивает.

— Неправильные останутся закрыты.

— Так говорят все, у кого нет ключей.

— Значит, сначала ключи.

Саэр едва заметно кивнул в сторону потолка.

— Ключи не наверху. Ключи в движении. Двор сортировки. Там сходятся отделения. Там меняют цепи, сверяют номера, переводят тех, кого ведут в шахту, варку или ритм. Если хочешь говорить с Эллари — это единственное место. Но двор открывают не для побега. Там мосты, стрелки, подъемники и смотрители.

— Кто смотрит?

— Кворн. Иногда Баргут. Иногда люди крепости, если забирают материал.

— Материал, — повторил я.

Саэр пожал плечами.

— Так они говорят.

— Когда следующий двор?

— Сегодня после второй смены. Если верхняя тревога правда нарушила подачу, им нужно пересчитать ритмовых и шахтных.

Я посмотрел на Эйру. Она сидела неподвижно, но я видел: она слушает.

— Хорошо, — сказал я. — Значит, сегодня мы не сбегает.

Тирен чуть не поперхнулся.

— Великолепный план.

— Сегодня мы смотрим, кто где. Кто жив. Кто может идти. Кто умеет драться. Кто умеет открывать. Кто умеет молчать. А главное — кто достаточно зол, чтобы не сорваться раньше времени.

Саэр медленно размешал баланду ещё раз.

— Ты хочешь не заключённых. Ты хочешь отряд.

— Нет, — сказал я. — Я хочу тюрьму, которая сама откроет себе горло.

Саэр ничего не ответил.

Но через несколько мгновений он коснулся миски два раза. Потом один раз. Потом ещё два.

За соседним жёлобом кто-то повторил.

Не все. Несколько.

Этого хватило.

Слух начал идти.

Не словами. Ударом пальца по камню. Движением ложки. Коротким кашлем. Переставленной миской. В тюрьме, где стены слушали голоса, пленные научились говорить тем, что гномы принимали за усталость.

«Ждать».

«Смотреть».

«Не открывать выпивших».

«Найти западных».

«Эйра вернулась».

«Чужак не сломался».

Я ел баланду и понимал: вербовка уже началась.

Голдо принимал новости в зале, где золото не блестело.

Оно давило.

Стены были выложены пластинами вечного сплава и золотой жилой. Потолок уходил так высоко, что терялся в дыму. В полу были круги подъёмников. По ним непрерывно поднимались ящики, бочки, слитки, трубы, детали машин и тела тех, кому уже не требовалась зарплата.

Голдо сидел на низком троне из чёрного железа.

Он не был толстым, как Мэлвин. Не был похож на дикого рыцаря, как Одноглазый. Не был красивым, как Оберон когда-то в памяти леса. Голдо был широким, тяжёлым, плотным. Казалось, его не родили, а отлили в форме для осадного колокола.

Перед ним стояли трое докладчиков.

Первый — в обгоревшей броне лесного фронта.

Второй — с медной трубой Гномелии, сломанной пополам.

Третий — на коленях, потому что обе ноги у него ниже колен были перебиты обвалом.

— Лес не взят, — сказал первый.

Голдо не моргнул.

— Гимбул?

— Мёртв.

— Тело?

— Осталось у выхода. Забрать не смогли.

— Значит, мёртв не только он, но и порядок, который он должен был держать.

Первый докладчик побледнел.

Второй поспешно шагнул вперёд.

— Гномелия пала, мой король. Колокол разбит, сигнальная труба повреждена, склад бомб частично сгорел. Деревня не удержана. Есть следы чужого огня, демонов, зелёных тварей и...

— И?

— И рыцаря.

В зале стало тише.

Голдо медленно положил ладонь на подлокотник.

— Рыцарь с башней.

— Вероятно.

— Вероятно, — повторил Голдо. — Ты принёс мне вероятности вместо голов?

Второй докладчик опустил взгляд.

— Мы нашли только мёртвых.

— Мёртвые говорят хуже живых, но честнее. Продолжай.

— Барный холм молчит. Подача нарушена. Тюрьма прислала нижний сигнал о ложной доставке и захвате двух особых пленников. Но потом сигнал оборвался на внутреннем режиме.

Голдо чуть наклонился.

— Особые пленники?

— Один чужак с признаками огня. Одна эльфийская беглая.

На лице Голдо впервые появилось выражение, похожее на удовлетворение.

— Значит, тюрьма иногда делает то, для чего построена.

В этот момент боковая дверь открылась.

В зал вошёл Крагт.

Он был ниже Голдо, но двигался так, будто каждый шаг имеет право занимать больше места, чем чужая жизнь. Броня личной охраны была из серого вечного сплава, без лишних украшений. На груди — знак закрытой кружки, вписанной в корону. За ним шли двое молчаливых гномов с чёрным ларцом.

Крагт остановился перед троном и опустился на одно колено.

— Мой король.

— Камень?

Крагт поднял ларец.

— Доставлен.

Ларец открыли.

Внутри лежал Камень Воскрешения.

Он не сиял. Не горел. Не пел.

Просто лежал — и все в зале невольно смотрели на него так, будто камень уже знал дату их смерти.

Голдо встал.

Подошёл.

Не коснулся сразу.

— Столько лет, — сказал он тихо. — Столько рук. Столько лжи. И всё равно ты пришёл ко мне.

Крагт не поднял головы.

— В хранилище?

— В глубинное.

— Уровень?

— Ниже золота. Выше Матери.

Крагт поднял глаза.

— Это опасно.

— Всё ценное опасно, если держать его в руках слишком долго.

Голдо закрыл ларец и передал его двум гномам в масках.

— Печать девятая. Замок чёрный. Кровь моя, ключ твой. Никто не входит без нас обоих.

Крагт кивнул.

Ларец унесли.

И никто из докладчиков не заметил тень на верхнем ярусе, где между трубами и цепями стоял Одноглазый.

Он был худее, чем раньше. Плащ скрывал обрубок руки. Лицо стало серым от боли и чужих снадобий. Без огненного меча он казался не меньше опасным, а тише. Как нож, который уже не показывает пламя, потому что собирается ударить в темноте.

Он видел ларец.

Видел маршрут.

Видел маски хранилища.

Но не видел входа.

Пока.

Внизу Голдо снова сел.

— Позовите Гумбола.

Через несколько минут в зал вошёл ещё один гном.

Моложе Крагга. Шире в плечах. На лице — ярость того, кто всю жизнь слышал: «ты младший», и всю жизнь пытался доказать, что это слово не значит «слабый». За его спиной стояли гномы в тяжёлой броне Непобедимых. Не те, которых я видел в Гномелии. Те были передним зубом. Эти — вся челюсть.

Гумбол ударил кулаком в грудь.

— Король.

Голдо посмотрел на него.

— Гномелия пала.

Лицо Гумбола потемнело.

— Кто?

— Рыцарь. Демоны. Возможно, зелёные. Возможно, остатки эльфов. Мне нужны не «возможно». Мне нужна правда.

— Деревня будет отомщена.

— Мне не нужна месть вместо отчёта. Отправишься к Гномелии. Полный отряд Непобедимых. Не учебная ячейка. Не дозор. Всех.

Гумбол оскалился.

— Наконец-то.

Крагг медленно повернул голову.

— Не путай приказ с праздником.

Гумбол посмотрел на старшего брата.

— Слушай внимательно, — сказал он уже тише, но так, чтобы слышали все рядом. — Нас было три брата, которых называли самыми сильными в стране. Самый старший, Крагг, стал главой личной охраны Голдо. Средний брат стал главой группы «Бомба», и зовут его Нитбул. А я стал младшим братом, Гумболом, с отрядом «Непобедимые». Всю жизнь мне оставляли следы после чужих побед. Если теперь мне дают идти туда, где кто-то сломал Гномелию, я не принесу назад “возможно”. Я принесу его зубы.

Крагг долго смотрел на него.

— Принеси сначала глаза. Чтобы мы знали, куда он смотрел.

Голдо поднял руку.

— Достаточно. Гумбол, найдёшь, что произошло. Если рыцарь был там — узнаешь, куда он пошёл. Если деревня пала из-за слабости — сожжёшь слабость. Если из-за предательства — привезёшь предателей живыми. Если увидишь эльфов — не трать. Тюрьма запросит замену.

Гумбол ударил кулаком в грудь ещё раз.

— Будет сделано.

Когда он вышел, Одноглазый наверху медленно отступил в тень.

Камень Воскрешения ушёл в глубинное хранилище.

Голдо не собирался использовать его сразу.

Значит, оставалось время.

Очень мало.

Одноглазый сжал зубы.

Без меча он не мог вскрыть старые огненные швы. Без руки — не мог драться так, как раньше. Но он знал башни. Знал предательство. Знал, что любой замок имеет не только ключ, но и того, кто уверен, что ключа достаточно.

Он исчез между трубами.

Ему нужен был путь в хранилище.

И если Голдо спрятал камень ниже золота и выше Матери, значит, внизу было что-то, чего даже алчность боялась коснуться слишком глубоко.

После второй смены нас вывезли во двор сортировки.

Не повели. Именно вывезли.

Кандалы на руках сцепили короткой цепью, цепь пропустили через медную скобу на общей балке, а саму балку положили на тележку. Когда гном толкал тележку, мы шли рядом, но любое резкое движение дёргало всех сразу. Если один падал, трое спотыкались. Если один пытался вырваться, цепь душила соседей.

Хорошая тюремная мысль: сделать так, чтобы побег одного сразу становился наказанием для остальных.

Двор сортировки находился глубже рабочего двора и шире. Над ним не было даже имитации неба. Только огромный круглый потолок с рельсами, по которым ходили подвесные клетки. В центре стояла медная башня с часами без стрелок. Вместо стрелок внутри стекла двигались капли пива: золотая, чёрная, белая и серая.

По краям двора открывались решётки разных отделений.

Из одной вывели людей.

Из другой — гномьих должников.

Из третьей — эльфов с медными ошейниками и длинными цепями на руках.

Эйра рядом со мной перестала идти.

Тележка дёрнула цепь. Гном поднял палку.

— Двигайся.

Но она не слышала.

Из западной решётки вышла женщина.

Высокая. Худее Эйры, но похожая на неё линией лица, светлыми волосами, упрямым подбородком. На ней были следы побоев, медные шрамы на руках и ошейник ритмовой пленницы. Но шла она так, будто каждый шаг она отдаёт врагам не потому, что обязана, а потому, что временно разрешает им думать, будто они её ведут.

— Эллари, — прошептала Эйра.

Женщина подняла голову.

И увидела её.

Всё вокруг продолжало двигаться: гномы кричали, цепи звенели, тележки скрипели, часы капали внутри стекла. Но между двумя сёстрами на мгновение возникла тишина, которую тюрьма не успела измерить.

— Эйра? — голос Эллари сорвался. — Нет...

— Я жива.

— Ты должна была уйти.

— Я вернулась.

Эллари рванулась к ней, но цепь на её руках вспыхнула медным огнём. Гном ударил её палкой по спине.

Эйра дёрнулась.

Я успел наклониться и прошептать:

— Не сейчас.

Она замерла.

Это стоило ей больше, чем если бы её ударили.

Эллари поднялась после удара сама.

— Дурная, — сказала она Эйре. — Всегда была дурная.

— Ты тоже рада меня видеть.

— Я рада была бы видеть тебя снаружи.

— Родители?

Эллари быстро оглянулась. Гномы рядом спорили с учётчиком, сверяя номера.

— В шахте. Отец в нижней жиле. Мама у слухачей. Их пока держат живыми.

— Пока, — повторила Эйра.

— Да. Голдо ищет что-то под золотом. Не просто руду. Старую жилу. Тех, кто слышит землю, гонят ниже всех.

Я запомнил это.

Старая жила.

Матерь.

Голдо.

Всё снова сходилось внизу.

Эллари заметила мой взгляд.

— Это он? — спросила она.

— Да, — сказала Эйра.

— Чужак?

— Да.

— Тот, из-за которого тюрьма сегодня считала охранников дважды?

Я слегка поклонился, насколько позволяла цепь.

— Обычно меня представляют приятнее.

Эллари посмотрела на Эйру.

— Он безумен?

— Частично.

— Этого мало для побега.

— Он не хочет бежать, — сказала Эйра.

Эллари снова посмотрела на меня.

— Тогда что он хочет?

Я сказал тихо:

— День X.

Её глаза сузились.

— Здесь за такие слова режут язык.

— Тогда слушай глазами. Сегодня вечером. Баланда. Саэр передаст ритм. Нам нужны западные, живые, те, кто может идти. Не трогать выпивших. Не трогать чёрные камеры. Найти, где держат ключи ошейников и куда увели маленького зелёного.

Эллари молчала.

— Ты знаешь двор, — продолжил я. — Эйра знает нижний ритм. Саэр знает расписание. Я знаю, что снаружи есть те, кто ещё не понял, что мы провалились. Если заставим тюрьму дать им знак вместо нас, у нас будет шанс.

— Шанс на что?

— Не умереть по расписанию.

Эллари вдруг улыбнулась.

Очень устало.

— Это уже звучит как план.

Гномы закончили сверку.

— Ритмовых обратно! Горький пласт — к правому кругу! Живых слабых — в кормёжку!

Цепи дёрнулись.

Эллари успела сказать только одно:

— Я передам.

Эйра крикнула ей вслед беззвучно, одними губами:

«Живи».

Эллари ответила так же:

«Не мешай мне».

Их развели.

Но теперь западное отделение знало.

Вечерняя баланда пахла хуже утренней.

Возможно, потому что я уже знал, из каких труб она может приходить.

Нас снова посадили рядами. После двора сортировки тюрьма стала напряжённое. Гномы ходили чаще. У одного на поясе висел новый чёрный свисток. У другого — связка медных печатей. Кворн Железнорукий стоял у входа в столовую и не ел, не пил, не разговаривал. Просто смотрел.

Это был плохой знак.

Когда надзиратели молчат, значит, они уже дали приказ механизмам.

Я сел так, чтобы видеть Эйру, Саэра и хотя бы часть западного ряда. Эллари там не было — ритмовых кормили отдельно. Но в третьем ряду сидел молодой эльф с порезом на щеке. Он дважды коснулся края миски, потом провёл пальцем по столу.

Эйра заметила.

— От Эллари, — прошептала она.

— Что?

— Западные слышали. Она согласна.

— Быстро.

— Она всегда была быстрее меня.

Саэр наклонился над миской.

— Не все согласны.

— Кто против?

— Те, кто слишком долго живёт, чтобы верить. Те, кто боится выпивших. Те, кто думает, что если сидеть тихо, их не тронут до следующего месяца.

— А их тронут?

— Конечно.

Я посмотрел на серую баланду.

— Тогда надо объяснить.

— Здесь не любят речи.

— Я тоже.

Я поднял миску.

Гном у стены сразу повернул голову.

Я не встал. Не крикнул. Просто перевернул миску на каменный жёлоб.

Баланда растеклась серой лужей.

Тишина стала острой.

Кворн Железнурукый посмотрел на меня.

— Не нравится еда?

— Нравится, — сказал я. — Просто хочу посмотреть, сколько в ней золота.

Он подошёл.

Каждый шаг его железной руки звучал так, будто пол заранее просил прощения.

— Ты плохо учишься.

— У меня плохие учителя.

Он схватил меня за волосы и наклонил лицом к жёлобу.

— Ешь.

Я упёрся руками в камень. Кольцо энергии не отзывалось. Чёрный ошейник давил. Силой сейчас было не победить. Но мне и не нужно было побеждать.

Мне нужно было, чтобы все смотрели.

— Ешь, — повторил Кворн.

Я тихо сказал:

— В камерах для живых сидят те, кого можно вывести.

Он нахмурился.

— Что?

Я уже говорил не ему.

— Камеры выпивших не открывать. Чёрные — не трогать. Королевскую варку — только если знаем, кто внутри. Ритмовые идут через запад. Шахтных выводят через двор. Ключи ошейников — не на поясе. Они в движении.

Кворн ударил меня лицом о жёлоб.

Мир вспыхнул.

Но я успел услышать.

Два коротких удара миской.

Один длинный.

Три коротких.

Ответ пошёл по столовой.

Не громко. Не как бунт.

Как дождь по камню.

Кворн поднял мою голову.

— Что ты сделал?

Я выплюнул кровь и серую баланду.

— Поужинал.

Он ударил снова.

Эйра дёрнулась, но Саэр удержал её за рукав.

Молодой эльф из западного ряда опустил ложку. Потом поднял. Потом снова опустил. Ритм подхватили дальше. Женщина с медным ожогом на шее. Старый полурослик, который всё время делал вид, что спит. Двое эльфов из шахтных. Человек с пустым глазом. Даже один гномий должник, чья борода была обрезана в знак позора.

Я понял, почему глава называется так.

Я не вербовал армию.

Я вербовал тех, кого Голдо списал как преступников, материал, должников, ритм, камень и мясо для варки.

Кворн этого ещё не понял.

Он видел только миски.

Тюрьма видела вес, шаг, пульс, дыхание.

Но она не умела видеть согласие.

После еды нас пристегнули жёстче.

Видимо, Кворн решил, что разговоры лечатся короткой цепью.

На этот раз руки мне сковали перед собой, потом притянули к кольцу у груди. Ноги развели и закрепили отдельно. Шейная дуга стала короче, так что я мог смотреть только в потолок и край решётки.

— Это из-за тебя, — пробормотал кто-то справа.

— Возможно.

— Нас всех завтра будут бить.

— Да.

— Хороший план.

— Он ещё не начался.

Эйра лежала напротив. Её тоже пристегнули жёстче. Саэр — рядом с ней. Старик дышал тяжело, но я видел: он не спит.

— Сколько согласилось? — прошептал я.

Цепь на ошейнике дрогнула.

Я замолчал.

Ответ пришёл стуком.

Саэр отбил пальцем по камню.

Три. Пауза. Два. Пауза. Один. Пауза. Много мелких.

Я не понял.

Эйра перевела едва слышно, почти не шевеля губами:

— Три ряда живых. Два западных. Один шахтный. Остальные ждут знака.

— Эллари?

— Согласна.

— Твои родители?

Она закрыла глаза.

— До них ещё надо дойти.

— Дойдём.

— Не обещай.

Я посмотрел в потолок.

— Хорошо. Попробуем так, чтобы гномам было больно нас останавливать.

Она почти улыбнулась.

— Это честнее.

Саэр тихо постучал снова.

Эйра слушала.

— Что он говорит?

— День X нужно ставить не на утро. На двор. Когда западных, живых и шахтных снова сведут вместе.

— Когда?

— Через день. Если тюрьма не изменит ритм.

— А если изменит?

Саэр ответил сам, еле слышно:

— Тогда день X наступит раньше, чем мы готовы.

Я закрыл глаза.

Чёрный ошейник давил на горло. Рёбра болели. Лицо распухло. Снаружи Гнарл всё ещё ждал сигнала, которого не было. Где-то внизу держали зелёного слугу. Где-то в другом отделении Эллари уже передавала ритм. Где-то в золотой шахте родители Эйры слушали землю для Голдо. Где-то в крепости Голдо прятал Камень Воскрешения. Где-то рядом с тем же хранилищем Одноглазый искал щель. Где-то далеко Роза бежала по городу нежити и искала меня.

А я лежал пристёгнутый к мокрому полу гномьей тюрьмы и ждал, когда преступники решатся стать армией.

Ночь тянулась долго.

Стены слушали.

Мы молчали.

И это молчание уже было заговором.

На этом наш первый день в настоящем плену закончился.

До дня X оставалось совсем немного.

Шестьдесят пятая глава

«Разгром тюрьмы гномов»

Ночь перед днём X не была ночью.

Она была длинной цепью, которой нас привязали к полу.

Гномы после вечерней баланды пристегнули нас жёстче, чем обычно. Видимо, Кворн Железнорукий всё-таки услышал в столовой больше, чем должен был услышать. Или не услышал, но понял: если пленник говорит слишком спокойно, значит, он уже разговаривает не только ртом.

Руки мне стянули к грудному кольцу, ноги развели и закрепили отдельно, шейную дугу укоротили так, что я мог смотреть только в потолок и на край ближайшей решётки. Камень под спиной был холодный, грязный, влажный. В щели между плитами застревали волосы, обломки ногтей, засохшая баланда и золотая пыль. Здесь даже пол казался не полом, а старым языком тюрьмы: он помнил каждого, кто на нём дёргался.

Чёрный ошейник молчал.

Это было хуже, чем если бы он давил. Когда ошейник молчал, я начинал забывать о нём. Когда забывал — думал о кольце энергии. Когда думал о кольце, чёрный металл на шее едва заметно теплел, будто не запрещал, а улыбался.

— Не пробуй, — прошептала Эйра напротив.

Она лежала на боку, насколько позволяли цепи. На её лице после столовой осталась серая полоса баланды, под глазом темнел старый синяк, на губе засохла кровь. Но взгляд был живой. Упрямый. Тот самый взгляд, из-за которого гномы били сильнее: потому что его нельзя было списать в ведомость.

— Я и не пробую, — сказал я.

— Ты уже пробуешь внутри головы.

— Там пока бесплатно.

Саэр, лежавший, между нами, чуть дальше, тихо стукнул костяшкой пальца по камню.

Три. Пауза. Два. Пауза. Один. Мелкая россыпь.

Эйра прислушалась.

— Три ряда живых, — перевела она едва слышно. — Два западных. Один шахтный. Остальные ждут знака.

— Эллари?

— Передала.

Слово было коротким, но в нём на секунду дрогнула вся камера. Эйра старалась говорить о сестре спокойно. Не получалось. Я слышал, как её дыхание меняется каждый раз, когда звучало это имя. Эллари была не просто родственницей. Она была доказательством, что тюрьма не съела всё прошлое Эйры. А значит, у Эйры оставалась причина не только выжить, но и вернуться.

— День X нужно ставить на двор сортировки, — прошептал Саэр.

— Ты говорил это ночью.

— Ночью я был старше. Сейчас я почти уверен.

— Почти?

— В тюрьме только мёртвые уверены полностью.

Он замолчал и снова отбил ритм.

Тихий. Сухой. Почти случайный.

Из соседних камер отвечали так же. Камень переносил звук лучше, чем воздух. Гномы научились слушать голоса, шаги, кашель, молитвы, плач. Но за годы тюрьмы эльфы научились говорить тем, что гномы считали шумом: миской по краю, пальцем по плите, пяткой по цепи, вздохом в нужный момент.

И всё равно этого было мало.

У нас был план, но не было ключей. У нас были люди, но не было оружия. У нас была злость, но на шее у каждого висел ошейник. А у меня, кроме ошейника, была ещё одна проблема: Гнарл не знал, когда именно начинать.

Или я думал, что не знал.

Позже я узнал, что в ту же ночь, пока мы лежали лицом в камень и спорили со страхом, один маленький зелёный полз по трубе, где даже крысы умирали с закрытыми глазами.

Тот самый зелёный, которого увели вниз в предыдущих главах.

Гномы решили, что зелёный нужен им не как пленник, а как образец. Они хотели понять, почему мелкие слуги Башни так хорошо лазают по трубам, где у гномов ломаются крючья и застревают разведочные жуки. Его бросили в нижнюю клетку под зверинцем, рядом с грязным желобом, куда стекали кровь, пена и остатки того, что не доедали тюремные звери.

Они забыли только одно.

Зелёные не всегда сбегает туда, где чисто.

Иногда они сбегает туда, где хуже всего, потому что никто не верит, что живое существо полезет именно туда.

Он перегрыз кожаную скобу, вывернул плечо из железного кольца, пролез под решёткой, где осталась половина кожи со спины, и ушёл в трубу. Труба вела не наружу. Сначала она вела в отстойник, потом в дробильный сток, потом к вентиляционной кишке, откуда горячий пар выжигал глаза. Он полз вслепую. Когда позже Гнарл показывал мне его, зелёный уже не видел левым глазом и дышал так, будто лёгкие у него стали мешком с иглами.

Но он дополз.

За внешней стеной тюрьмы, где чёрная скала выходила к старому дренажному оврагу, зелёного нашли бурые разведчики Гнарла. Он не сказал им длинной речи. У него не было сил.

Он сказал три слова:

— Хозяин внутри. Ошейники. Ждать нельзя.

Гнарлу этого хватило.

Поэтому утро в тюрьме началось не с нашего плана.
Оно началось с лжи гномов.

Сначала был обычный подъём: вода в лицо, палки по рёбрам, короткие команды. Потом работа. Потом горький пласт, который не хотел ломаться. Потом двор сортировки — но не полный, не тот, которого ждал Саэр. Нас вывели меньшими группами, как будто гномы решили заранее спутать ритм. Кворн ходил по мосткам и смотрел вниз.

Он не кричал.

Он вообще редко кричал.

Гномы, которые кричат, пугают только тех, кто ещё не видел гномов вроде Кворна. Железнурукий говорил тихо, и от этого его слышали лучше. Правая рука у него была настоящей машиной: чёрный металл, медные жилы, три замка у локтя, пальцы с плоскими зубьями. Когда он сжимал перила мостка, камень под перилами трещал первым.

— После второй смены всех живых в столовую, — сказал он. — Ритмовых отдельно. Западных через малый мост. Шахтных не смешивать.

Саэр, стоявший рядом со мной на цепи, не поднял головы.

— Он меняет порядок, — прошептал он.

— Знаю.

— Значит, он чувствует.

— Или боится.

— Кворн не боится. Он считает.

В этот момент сверху ударила труба.

Не колокол. Не обычный звон смены. Резкий, глухой, металлический вой, от которого все пленники одновременно подняли головы. Гномы на мостках переглянулись. Один побежал к боковой двери. Второй схватился за чёрный свисток. Третий вместо команды просто выругался.

Потом голос из медных труб произнёс:

— Учебная тревога. Внешний контур. Учебная тревога. Вся свободная охрана — к наружным воротам. Внутренним постам сохранять порядок. Повторяю: учебная тревога.

Учебная.

Я почти улыбнулся.

Гномы могли лгать пленникам. Могли лгать самим себе. Могли записать в книгу, что нож — это ложка, если от этого ведомость сходилась. Но тревога, которую объявляют слишком ровным голосом, всегда пахнет настоящим страхом.

Кворн повернулся к ближайшему гному.

— Кто дал слово «учебная»?

— Башня связи, начальник.

— Дураки, — сказал Кворн. — Пленники слышат не хуже нас.

Он посмотрел вниз.

На меня.

Я поднял миску.

В ней была вечерняя баланда, хотя сейчас был не вечер. Серую массу налили заранее, чтобы загнать нас после смены без обычной задержки. На поверхности плавали золотые пузырьки, лопались и оставляли жирные круги. Я перевернул миску на каменный жёлоб.

Баланда растеклась.

Не громко.

Но все увидели.

Кворн медленно начал спускаться с мостка.

— Не нравится еда? — спросил он.

Я не ответил ему.

Я взял ложку.

Обычную тюремную ложку: кривую, медную, тупую, рассчитанную не на еду, а на то, чтобы пленник не смог перерезать себе горло быстрее, чем гном успеет записать причину смерти.

Я ударил ложкой по жёлобу.

Два коротких.

Пауза.

Один длинный.

Три коротких.

Ответ пришёл не сразу.

Сначала кто-то уронил миску в дальнем ряду. Потом в западной стороне один пленник кашлянул в ритм. Потом в отделении ритмовых, где сидела Эйра, по камню прошёл глухой стук ног. Потом где-то за стеной — там, где должна была быть Эллари, — металлическая цепь трижды ударила о решётку.

И тюрьма впервые за долгое время заговорила не голосом гномов.

— На колени! — рявкнул один из охранников.

Никто не встал.

— На колени, материал!

Первый эльф поднялся не полностью. Он просто выпрямился настолько, насколько позволяла цепь, и воткнул ложку в щель между плитами. Второй сделал то же самое. Третий. Пятый. Десятый.

Гномы поняли слишком поздно.

Ложки не были оружием.

Они были клиньями.

Каменные жёлобы в столовой стояли на медных штырях. Штыри уходили в пол и держали не только столы, но и часть цепного короба под ногами. Когда десятки ложек одновременно вошли в щели, а пленники всем весом навалились на них, пол не развалился. Он дрогнул. Этого хватило.

Цепной короб под первым рядом перекошило.

Одна скоба лопнула.

Потом вторая.

Гном с палкой шагнул вперёд, и старый Саэр, которого любой из них мог бы убить одним ударом, плюнул ему прямо в глаза баландой.

Гном на миг ослеп.

Я ударил его миской в горло.

Не сильно. Силы после смены и ночных цепей было мало. Но удар пришёлся точно в мягкое место под бородой. Гном захрипел, отступил, а Тирен — тот самый молодой эльф с медным шрамом через губу — поддел ногой его колено. Гном упал лицом в жёлоб.

Я схватил его палку.

Чёрный ошейник тут же сжал горло.

Не смертельно.

Предупреждающе.

— Не сейчас, — прошипел я себе.

И ударил палкой не силой кольца, не магией, а как человек, которому очень долго били рёбра и который наконец получил право вернуть долг.

Гном перестал дёргаться.

Столовая взорвалась.

Не огнём. Людьми.

Пленники бросались не как солдаты. Солдаты держат строй, ждут команду, знают, где у них фланг. Эти люди бросались как вода через трещину: кто с миской, кто с ложкой, кто с обломком цепи, кто с голыми руками. Одного гнома схватили за бороду и потянули вниз. Второй успел ткнуть палкой в ошейник пленника, и тот упал, захлёбываясь воздухом. Третий поднял топор, но Эйра перескочила через жёлоб и ударила его обеими скованными руками по запястью.

Топор выпал.

Я поймал его.

Ошейник снова нагрелся.

В этот раз сильнее.

— Брось, — сказал Кворн.

Он стоял уже внизу, у главного прохода. Вокруг него гномы пытались построить линию, но пленники лезли со всех сторон. Кворн не торопился. Железной рукой он поднял одного эльфа за горло и ударил о стену так, что тот затих ещё до падения.

— Я сказал: брось.

— Хорошо, — сказал я.

И бросил топор.

Не в него.

В трубу над его головой.

Топор ударил в медь. Труба треснула, из неё хлынула горячая баланда. Не кипяток, нет. Но достаточно горячая, густая, жирная, чтобы гномы у прохода на миг закрылись руками. Пленники рванули туда.

— Живые — к левому выходу! — крикнул Саэр. — Выпивших не трогать! Чёрные камеры не открывать!

Это было наше главное правило.

Не все клетки были спасением.

В камерах выпивших держали тех, кому гномы заливали пиво усиления или варочную дрянь. Они могли вырваться и убить своих же. Чёрные камеры были хуже. Саэр говорил: там сидят не пленники, а то, что уже нельзя вывести человеком.

Несколько молодых эльфов всё равно бросились к ближайшей решётке.

— Не открывать! — крикнул я.

Они замерли.

И это спасло нас от первой ошибки.

Вторая пришла сама.

С потолка опустились крюки.

Десятки.

Тонкие, медные, с короткими зубьями на концах. Они висели над каждым рядом, но до сих пор казались частью тюремной мебели. Теперь крюки ожили. Одни схватили пленников за плечи и подняли вверх. Другие ударили вниз, как когти. Третьи не хватали людей — они цепляли жёлобы и тянули их назад, разрывая наш импровизированный строй.

Кворн поднял левую руку.

— Первый порядок. Вернуть материал в ряды.

— Материал не согласен! — крикнул Тирен.

Он бросился на Кворна с ложкой.

Я успел только повернуться.

Кворн шагнул в сторону, поймал его железной рукой за локоть и ударил коленом в грудь. Звук был такой, будто сломали сухую доску.

Тирен упал.

Не умер. Но уже не мог встать.

— Я предупреждал, — сказал Кворн. — Весёлые держатся два дня.

Он шёл через бунт, как через дождь. Кто бросался на него — падал. Кто пытался ударить сбоку — оказывался в стене. Кто тянулся к его поясу — оставался без пальцев. Он не был самым сильным гномом, которого я видел. «Непобедимые» били тяжелее. Бомберы убивали шире. Но Кворн был страшнее.

Потому что он знал тюрьму.

Он бил туда, где цепь уже тянула. Толкал туда, где пол был мокрый. Отступал на шаг, если за спиной у пленника был крюк. Он не просто дрался. Он заставлял тюрьму драться вместе с ним.

Я бросился к нему.

Ошейник сжал горло так, что перед глазами потемнело. Кольцо на пальце дрогнуло, но не проснулось. Я был без меча, без Zero, без доспехов, с чужой палкой в руке и тупой ложкой за поясом.

Кворн встретил меня улыбкой.

— Вот теперь правильно.

Он ударил железной рукой.

Я нырнул под удар, ткнул палкой ему в бок, где броня соединялась с ремнём. Палка скользнула. Кворн даже не качнулся. Его колено врезалось мне в живот. Воздух ушёл. Я согнулся, и он схватил меня за волосы, как в столовой прошлым вечером.

— Ешь порядок, — сказал он.

И потащил лицом к жёлобу.

В этот момент по всей столовой снова прошёл ритм.

Не наш.

Другой.

Женский.

Сначала я не понял. Потом увидел: Эйра стоит на жёлобе через два ряда от меня, держится за цепь обеими руками и отбивает ногой дробный, жёсткий ритм. Отвечали ей не здесь. Отвечали из западного отделения.

Эллари.

Стена справа содрогнулась.
Гном у боковой двери обернулся.
Дверь выгнулась наружу.
Потом её выбило.

Из западного прохода хлынули ритмовые.

Это были в основном эльфийки — худые, избитые, с медными ошейниками, с длинными цепями на руках. Но двигались они не как толпа. Они двигались как один сбитый, неровный, яростный удар. Впереди шла Эллари.

Высокая. Бледная. Вся в крови, часть не её. В одной руке у неё была цепь, в другой — длинный крюк от тюремного подъёмника. По лицу она действительно была похожа на Эйру, только старше, суше, жёстче. Если Эйра была огнём, который ещё мог греть, Эллари была углём, который слишком долго держали под камнем.

Она ударила крюком гнома в горло, развернулась и цепью сбила второго с ног.

— Западные идут! — крикнула она.

Эйра улыбнулась впервые за весь день.

Кворн не улыбнулся.

Он швырнул меня в стену и сказал:

— Второй порядок.

Гном у двери побледнел.

— Начальник, звери...

— Второй порядок, — повторил Кворн.

В глубине тюрьмы открылись тёмные клетки.

Сначала я услышал их запах.

Мокрая шерсть. Гнилая листва. Старая кровь. Лес после пожара. Корни, которые слишком долго грызли мясо.

Потом пришёл звук: не рёв, не вой, а множество разных голосов, собранных в одном коридоре.

Из нижнего зверинца выскочила первая тварь.

Она когда-то была волком. Наверное. У неё сохранилась длинная морда и четыре лапы, но спина проросла костяными шипами, из глаз текла жёлтая слизь, а между рёбрами шевелились тонкие корни. На шее висел обломок эльфийского ошейника.

За ней выкатились ещё две. Потом кабан с половиной черепа вместо морды. Потом длинная рыжая тварь с лапами, как у ящерицы, и зубами, как у пилы. Потом птицы без перьев, с медными кольцами на клювах.

Лесные звери.

Те самые, которых гномы ловили после падения Оберона. Кворн держал их в тёмных клетках как последний довод против пленных.

— Назад! — крикнул я. — К жёлобам! На высоту!

Поздно.

Волк прыгнул на ближайшего пленника и вцепился ему в лицо. Тот ударил его ложкой в глаз. Ложка вошла неглубоко, но волк взвыл, и трое эльфов навалились на него мисками, цепями, руками. Кабан съел целый ряд, подбросил гнома и пленника одновременно, а потом, не разбирая, кого топчет, пошёл к центру.

Гномы тоже отступили.

Не потому, что испугались.

Потому что Кворн так рассчитал: звери должны были перемолоть и пленников, и бунт, и слабую охрану. Сильные гномы стояли за решётками, ждали, пока первая мясорубка сделает своё дело.

Мы дрались ложками.

Я понял это только через минуту.

Обычные ложки. Миски. Обломки цепей. Тюремные палки, которых было слишком мало. Против гномов в броне, крюков, зверей, ошейников и самой тюрьмы.

И всё равно тюрьма начала проигрывать.

Потому что у гномов было расписание, а у нас — отчаяние.

Саэр, хромая, вёл стариков к левому проходу. Не к выходу — к камерам живых, которые можно было открыть без риска выпустить чудовищ. Эллари держала западный проход и рубила цепью по лапам зверей. Эйра с двумя ритмовыми добралась до медной стойки, где висели ключевые печати смены. Не главные ключи ошейников, нет. Но печати открывали короткие цепи, которыми нас держали в рядах.

Каждая снятая цепь была новым бойцом.

Каждая новая пара рук — новым шансом.

— Жёлтая жила! — крикнул молодой эльф с бритой головой, тот самый, что учил меня бить горький пласт. — Бейте им в жёлтые швы!

Сначала я решил, что он сошёл с ума. Потом увидел: у зверей, где корни срастались с мясом, шли тонкие жёлтые прожилки. Не золотые. Гнилые. Если ударить туда, тварь на миг теряла связь с телом.

Мы начали бить по швам.

Ложками.

Да, ложками.

Кто-то смеялся, когда наносил удар. Кто-то плакал. Кто-то молчал. Один старик держал миску перед собой как щит, пока звериная птица клевала её так, что медь трещала. Другой эльф вцепился кабану в ухо и не отпускал, даже когда тот протащил его по камню. Женщина из западных с рваной щекой воткнула ложку волку под челюсть и повернула, как ключ.

Зверь упал.

Кворн смотрел.

И я вдруг понял: он не разозлился.

Он этого ждал.

— Хорошо, — сказал он. — Первая атака отбита.

Он поднял железную руку.

— Лесные — во второй круг. Крюки — на живых. Пена — по западным.

Из труб ударила белая тюремная пена.

Она не горела, не резала, не ядовитая была, кажется. Она просто прилипала. К полу, к ногам, к волосам, к цепям, к ранам. Западные, которые шли за Эллари, стали вязнуть. Гномы на мостках пустили вниз короткие цепные гарпуны. Один ударил Эллари в плечо и протянул её к стене.

— Эллари! — крикнула Эйра.

Она бросилась туда.

Кворн шагнул ей наперерез.

Я ударил его плечом.

Мы оба упали.

Не красиво. Не как герои в легендах. Я просто врезался в него, потому что по-другому не успевал. Железная рука ударила меня по спине. Перед глазами вспыхнуло белым. Ошейник сжал горло. Я всё равно вцепился Кворну в пояс.

— Ты не туда смотришь, — прохрипел я.

Он ударил меня в висок.

— Я смотрю везде.

И правда смотрел.

Пока я держал его, гномы почти вытащили Эллари к стене. Пена уже поднялась ей до колен. Она рубила цепь своим крюком, но вторая цепь обвилась вокруг её шеи.

Эйра не успевала.

Я тоже.

Тогда вмешался Саэр.

Старик не побежал. Он не мог. Он просто поднял с пола миску, отбил ею по камню три удара и крикнул:

— Ритмовые!

Эллари услышала.

Она перестала рубить цепь.

Вместо этого она начала бить крюком по самой цепи в определённом ритме. Остальные западные, даже завязшие в пене, подхватили. Цепь не порвалась. Она запела.

Медная труба на стене вздрогнула.

Гарпунный механизм, который тянул Эллари, на мгновение сбился.

Этого мгновения хватило.

Эйра прыгнула, скользнула по пене, вонзила обломок ложки в шестерню натяжителя и вывернула её всем телом. Механизм щёлкнул. Эллари рухнула на пол, кашляя, но живая.

Я увидел лицо Эйры.

На нём было не облегчение.

Бешенство.

Она поднялась и посмотрела на Кворна так, будто уже решила, куда именно в нём воткнуть всю тюрьму.

Кворн тоже это увидел.

— Семейные связи, — сказал он. — Всегда плохо для дисциплины.

— Сейчас проверим, — ответила Эйра.

Дальше всё смешалось.

Столовая стала двором, двор стал клеткой, клетка стала бойней. Мы прорвались из длинной комнаты к сортировочному узлу, потому что там сходились отделения, мосты, цепные балки и ключевые барабаны ошейников. Кворн отступал туда не потому, что проигрывал, а потому что хотел вернуть бой в место, где у него было больше рычагов.

Двор сортировки встретил нас грохотом.

Подвесные клетки ходили под потолком. Медная башня с часами без стрелок капала внутри стекла золотой, чёрной, белой и серой каплями пива. На полу крутились рельсовые круги. Из стен торчали трубы. Каждая решётка отделения была отдельной частью.

Гномы пытались закрыть отделения вручную.

Эллари не дала.

Она вывела западных через боковой мост, и они ударили по гномам не в лоб, а по ритму. Оказалось, ритмовые годами таскали цепи, крутили механизмы и били камень не просто ради добычи. Они знали, где у тюрьмы слабые звуки. Какая балка дрожит перед тем, как упасть. Какой мост звенит, если перегрузить правую сторону. Где труба пены запаздывает на два удара.

Женское отделение не бежало.

Оно ломало тюрьму изнутри.

Я увидел, как Эллари ударом цепи сбила гнома с мостка, потом повернулась и крикнула:

— Запад! Белую каплю вниз!

Три эльфийки бросились к башне часов. Одна погибла сразу — гномский болт пробил ей грудь. Вторая добралась до рычага, но её схватил крюк. Третья, совсем молодая, почти ребёнок по лицу, вцепилась зубами в ремень рычага и повисла всем телом.

Белая капля внутри стекла сорвалась вниз.

В сортировочном дворе что-то щёлкнуло.

Часть медных ошейников на пленниках открылась.

Не чёрных.

Обычных.

Но этого хватило, чтобы воздух изменился.

Пленные впервые вдохнули полной грудью.

И закричали.

Не от боли.

От свободы.

Кворн понял, что момент уходит.

Он перестал командовать.

И пошёл убивать сам.

Теперь я увидел, почему его уважали даже гномы. Он двигался не как Непобедимый, не как Бомбер, не как шахтёр. Он двигался как человек, который много лет учился не побеждать, а прекращать восстания. Железная рука пробилась в грудь одному пленнику. Короткий топор во

второй руке раскрыл плечо другому. Медный наконечник в его локте ударил в ошейник третьему, и тот упал, судорожно хватая воздух.

Я поднял чужую цепь и пошёл ему навстречу.

— Ты всё ещё думаешь, что это побег? — спросил Кворн.

— Нет.

— Тогда что?

— Снос.

Он кивнул, будто ответ ему понравился.

Мы столкнулись у основания башни часов.

Он ударил первым. Я принял удар цепью, но сила железной руки прошла через звенья в кости. Пальцы онемели. Кворн резко потянул цепь на себя, хотел вывести меня на колено, но я сам пошёл вперёд и ударил лбом ему в лицо.

Глупо.

Больно.

Неожиданно.

Он отступил на полшага.

Я ударил его ложкой.

Даже не знаю, почему она всё ещё была у меня. Наверное, застряла за поясом в первой драке. Я воткнул её ему под шейную пластину. Ложка согнулась, но прошла достаточно глубоко, чтобы Кворн впервые за день зашипел от боли.

— Ложкой, — сказал он с неожиданным уважением. — Хорошо.

Он ударил меня коленом в грудь.

Я упал.

Он поднял топор.

И тут Саэр бросился на него.

Старик, который едва ходил.

Он не пытался убить Кворна. Он схватился за его железную руку и повис на ней, как сухая ветка на чёрной машине.

— Старые держат два дня? — прохрипел Саэр. — А я держусь уже девять лет.

Кворн отбросил его в сторону, но на мгновение железная рука ушла не туда.

Я ударил по её локтевому замку.

Не оружием. Камнем.

Маленьким обломком горького пласта, который Тирен сунул мне в ладонь, когда мы проходили мимо. Камень дал тот самый тонкий звук, о котором он говорил на рабочем дворе.

Звон.

Ещё два удара.

Замок железной руки треснул.

Кворн отшатнулся.

Эйра подскочила сбоку и ударила его цепью по колену. Эллари ударила с другой стороны крюком по кисти с топором. Топор выпал.

На секунду Кворн остался один.

Вокруг него уже не было строя гномов. Обычные ошейники у многих пленников открылись. Западные держали мост. Шахтные прорвались к решёткам живых. Гномы отступали к внутренним коридорам. Тёмные клетки мы не открыли. Камеры выпивших тоже.

План, которого не должно было хватить даже на пять минут, всё ещё жил.

Кворн посмотрел вокруг.

И рассмеялся.

Не громко.

Сухо. Почти радостно.

— Вот теперь тюрьма проснётся, — сказал он.

— Она уже проснулась.

— Нет, чужак. Это были надзиратели. Это были звери. Это были цепи. Тюрьма — глубже.

Он поднял сломанную железную руку к груди. Между пластинами запястья открылся маленький медный штифт. Я шагнул вперёд, но он успел.

Кворн вогнал штифт себе под подбородок.

Железная рука щёлкнула.

Его тело выгнулось. Из рта пошла чёрная кровь. На лице не было страха. Только всё та же сухая усмешка.

— Начальник пал, — прошептал он. — Главный надзор... принять смену.

Он рухнул.

Сирена ударила сразу.

Не такая, как «учебная тревога».

Эта сирена не предупреждала. Она приказывала миру бояться.

Пол двора сортировки раскрылся.

Сначала я решил, что снизу поднимается новая клетка. Потом увидел камень.

Огромный.

Чёрный.

С медными жилами, с вросшими цепями, с грубыми рунами на плечах и лицом, которое не высекали для красоты. Его делали, чтобы пленник понял: у тюрьмы есть тело. Широкая каменная грудь. Руки, похожие на воротные башни. Ноги, вросшие в рельсовые круги. Внутри груди — красное окно, где горело что-то похожее на сердце печи.

Главный надзиратель.

Большой каменный гигант.

Гномы называли его просто:

— Главный надзор.

Он поднялся из пола и расправил плечи.

С потолка посыпалась пыль. Крюки качнулись. Пленники, которые ещё минуту назад кричали от свободы, замолчали.

Каменный гигант повернул голову.

Вместо глаз у него были две медные линзы. Они не смотрели на лица. Они считывали ошейники.

— Нарушение порядка, — прогремело из его груди. — Материал вне камер. Начальник нижнего режима мёртв. Восстановить тишину.

Он шагнул.

Пол под ним не треснул.

Пол подчинился.

Рельсы сами повернулись под его ногой, подстраиваясь под вес. Весы под участками пола загорелись красным. С потолка одновременно опустились десятки цепей.

— Все назад! — крикнул я.

Цепи ударили.

Одна схватила пленника за пояс и швырнула в стену. Другая подцепила гнома, который пытался убежать, и потащила его под ногу гиганту. Главный надзор не различал больше своих и чужих. Тюрьма считала всех, кто не в ряду, нарушением.

Эллари попыталась вывести западных к боковому мосту. Гигант повернулся и ударил туда каменной рукой. Мост выгнулся. Три пленника полетели вниз. Эллари удержалась за цепь, но рука гиганта снова поднялась.

Я побежал.

Не успевал.

Ошейник всё ещё был на мне, хотя часть его замков ослабла после белой капли. Кольцо энергии дрожало, как зверь за решёткой. Я потянулся к нему, и ошейник врезался в шею так, что кровь пошла под металл.

Но я всё равно потянул.

Не сильно.

Чуть-чуть.

Рельс под ногами дёрнулся.

Хватило, чтобы я ускорился.

Я прыгнул на сломанный мост, схватил Эллари за цепь и рванул к себе. Каменная рука гиганта ударила туда, где она висела мгновение назад. Мост разлетелся.

Мы оба упали на нижний ярус.

Эллари ударилась плечом, но жива.

— Ты зачем? — прохрипела она.

— Эйра меня убьёт, если ты умрёшь.

— Она и так может.

— Тогда не будем давать ей повод.

Я попытался встать, но чёрный ошейник вдруг захрипел, затрещал и сжал горло сильнее.

Главный надзор поднял руку.

— Чёрный ошейник. Особый материал. Подчинить.

Цепь выстрелила из его груди прямо в меня.

Эллари отпихнула меня в сторону. Цепь задела её по спине, обвилась вокруг талии и потащила к гиганту.

— Эллари! — крикнула Эйра.

Она была слишком далеко.

На этот раз я не думал.

Я схватил цепь обеими руками и позволил ей тащить нас обоих.

Гигант хотел притянуть Эллари к себе, как живой груз, и раздавить об грудную плиту. Я подтянулся по цепи, вцепился в её звенья зубами, ногами, локтями, всеми оставшимися силами. Ошейник давил. Мир темнел. Но я добрался до замка у её пояса и ударил по нему обломком Кворновой ложки.

Раз.

Два.

Третий удар не понадобился.

Сверху что-то зелёное прыгнуло на цепь.

Маленький зелёный.

Тот самый.

Он был весь в перевязках, один глаз закрыт грязной тряпкой, но живой. Он вцепился зубами в медный провод замка и перегрыз его.

Цепь отпустила Эллари.

Мы втроём рухнули на пол.

— Ты... — выдохнул я.

— Гнарл идёт, — просипел зелёный. — Снаружи шумно.

И действительно.

Через внешний двор прокатился удар.

Потом второй.

Потом стена тюрьмы в дальнем проходе вздрогнула так, что из щелей посыпались камни.

Гнарл.

Он пришёл не тихо.

Тихо уже было поздно.

Сначала в пролом ворвался дым. Потом бурые щиты. Потом красные, низко бегущие по стенам, как живые ножи. Потом сам Гнарл — хромой, злой, с трещиной на жезле, с огненным мечом Одноглазого и Zero, завернутыми в тёмную ткань за спиной.

— Хозяин! — крикнул он. — Вы как всегда выбрали самый тихий способ побега!

— Ты опоздал!

— Я пришёл как раз к главной части!

Главный надзор повернулся к новому пролому.

— Внешний контур нарушен. Башенные сущности внутри. Полное подавление.

Гнарл поднял жезл.

— Это он каменный?

— Почти.

— Отлично. Камень хотя бы честнее гномов.

Он ударил жезлом в пол.

Камень под ногами гиганта поднялся волной, но Главный надзор не упал. Его ступни ушли глубже в рельсы. Медные жилы в ногах вспыхнули. Он был не просто каменным телом. Он был частью тюрьмы.

— Он привязан к весам! — крикнул Саэр издалека. — Пока пол считает его своим, он не падает!

— Тогда пусть пол ошибётся! — ответил Гнарл.

Я подполз к телу Кворна.

Его железная рука всё ещё была сжата на груди. Внутри запястья что-то светилось белым. Эйра уже была там. Она пыталась разжать пальцы, но мёртвый механизм держал крепче живого.

— Это главный ключ? — спросил я.

— Не ключ, — сказала она. — Зуб.

— Что?

— Зуб от чёрных ошейников. Саэр говорил: ключи не на поясах, они в движении. Кворн носил не ключ, а запирающий зуб. Без него чёрный ошейник можно открыть.

— Так открывай.

— Он сжал руку.

Я посмотрел на мёртвого Кворна.

— Даже умер неудобно.

Эйра схватила камень.

Я схватил второй.

Мы били по железным пальцам Кворна, пока один из них не треснул. Потом второй. Потом рука раскрылась. Внутри действительно лежал маленький белый зубец, похожий на обломок часов.

Эйра вставила его в замок моего ошейника.

Чёрный металл завизжал.

Я упал на колени.

— Быстрее.

— Молчи.

— Я мотивирую.

— Я сейчас тебя сама задушу.

Щелчок.

Ошейник открылся.

Воздух ударил в горло так резко, что я закашлялся, как впервые родился.

Кольцо энергии проснулось.

Не сразу полностью. Оно было злым, тяжёлым, будто его тоже держали в тюрьме и теперь оно хотело ломать всё подряд. Я поднял руку, и ближайшая цепь с потолка дёрнулась ко мне, как послушная змея.

Гнарл бросил мне свёрток.

— Хозяин!

Я поймал его кольцом энергии.

Ткань слетела.

Огненный меч Одноглазого вспыхнул в правой руке. Zero лёг в левую, как старый долг.

Главный надзор снова ударил.

Теперь мы встретили его не ложками.

Но и этого оказалось мало.

Огненный меч рассёк каменную ладонь, оставив красную борозду, но камень тут же затянулся медной пылью. Zero пробил боковую плиту, но под ней не было плоти — только новые слои камня, медные трубы и цепи. Кольцо энергии подняло рельс и ударило гиганта в колено. Он качнулся, но весы под ним вспыхнули, приняли удар и вернули равновесие.

— Его надо снять с пола! — крикнул Саэр.

— Он весит как вся тюрьма!

— Тогда сломай тюрьму!

Прекрасный совет.

Очень в духе моего дня.

Гнарл понял быстрее меня. Он ударил жезлом по левой стене, не по гиганту. Стена треснула, и из неё вырвалась старая водяная труба. Вода ударила на пол, смешалась с баландой, кровью, пеной и золотой пылью. Рельсы стали скользкими.

— Западные! — крикнула Эллари, снова вставшая на ноги. — Ритм весов!

Ритмовые подхватили.

Они начали бить цепями по мостам, жёлобам, решёткам. Не хаотично. Точно. Где-то падала капля белая. Где-то чёрная. Где-то золотая. Башня часов дрожала. Весы двора пытались пересчитать всех сразу: бегущих пленников, падающих гномов, звериные трупы, воду, камни, Гнарлову поднятую стену, Главный надзор.

Пол начал ошибаться.

Гигант сделал шаг и впервые провалился на полступни.

— Ещё! — крикнул я.

Эллари повела ритм быстрее.

Эйра вместе с ней.

И в этот момент Главный надзор выбрал цель.

Не меня.

Эллари.

Каменный гигант поднял руку, из ладони вылетела связка цепей и схватила её за плечи, талию, шею. Он потянул её к себе. Эйра бросилась следом, но цепи ударили её в грудь и отбросили назад.

— Нет! — крикнула она.

Я рванулся вперёд.

Гигант поднял Эллари к красному окну в груди.

Там открылась печь.

Не для огня.

Для «переработки».

Я понял, что он хочет сделать: втянуть её внутрь и использовать живой ритмовой мозг как новый управляющий узел. Тюрьма не просто убивала ценных пленников. Она иногда встраивала их в себя.

— Гнарл! Пол!

— Уже!

Гнарл ударил жезлом обеими руками. Камень под гигантом поднялся с одной стороны и просел с другой. Главный надзор накренился. Но Эллари всё ещё висела у его груди.

Я прыгнул.

Кольцо энергии подняло меня на цепи, как на крюке. Ошейника больше не было, и сила впервые за всё время ударила свободно. Я влетел в грудь гиганта, вонзил огненный меч в красное окно и Zero — в медный замок цепей.

Огонь взревел.

Zero заскрежетал, как будто резал не металл, а закон.

Эллари сорвалась вниз.

Эйра поймала её не руками — всем телом. Они обе упали, прокатились по мокрому камню и врезались в жёлоб.

Живы.

Но я остался на груди Главного надзора.

И он схватил меня.

Каменная ладонь сомкнулась вокруг рёбер. Мир стал узким. Я почувствовал, как броня, которой на мне почти не было, не спасает. Кости загудели. В глазах потемнело.

— Особый материал, — прогремел гигант. — Встроить.

— Сам встроишься.

Я вонзил огненный меч глубже в красное окно.

Пламя пошло внутрь.

Не наружу, как обычно. Внутрь. По трубам. По медным жилам. По старым каналам, где тюрьма передавала приказы, боль и ток ошейников. Огонь Одноглазого не любил чужие замки. Он искал швы.

И нашёл.

В груди гиганта что-то лопнуло.

Главный надзор взревел.
Гнарл поднял обе руки.
— Сейчас!

Красные метнулись к ногам гиганта и полезли в рельсовые щели, выдирая медные крепления. Бурые ударили щитами по опорам моста. Ритмовые сбили весы до безумия. Саэр, едва стоя, отбивал последний ритм по камню ладонью, пока пальцы не стали кровавыми.

Я потянул кольцом энергии всю цепную сеть над нами.

Не одну цепь.

Все, до которых смог дотянуться.

Цепи натянулись.

Потолок застонал.

Гигант хотел шагнуть, но пол уже не знал, чей он. Весы показывали слишком много веса в слишком многих местах. Рельсы под ногами сместились. Опоры под сортировочным кругом лопнули.

Главный надзор провалился по пояс.

Я выпал из его ладони, ударился о каменный выступ, чуть не потерял меч. Гнарл поднял подо мной каменную волну и сбил меня в сторону, чтобы гигант не раздавил падением.

— В сердце! — крикнул он.

Я поднялся.

Главный надзор пытался выбраться. Из его груди всё ещё горело красное окно. Внутри дергались цепи, трубы, весы, чужие ошейники. Он был тюрьмой, которая внезапно поняла, что тоже может умереть.

Я побежал по наклонённому мосту.

Огненный меч в правой руке.

Zero в левой.

Кольцо энергии подняло меня на последнем рывке.

Я ударил обоими клинками в красное окно.

На этот раз не резал камень.

Я резал приказ.

Zero вошёл первым. Огненный меч — следом. Внутри что-то закричало. Не голосом. Металлом. Тюрьма попыталась втянуть мои руки, ошейники попытались вспомнить мою шею, цепи попытались снова стать законом.

Я нажал сильнее.

— День X, — сказал я.

Сердце Главного надзора раскололось.

Взрыв был не огненным.

Звук просто исчез.

На секунду весь двор стал немым. Каменный гигант застыл, медные линзы погасли, цепи повисли, крюки остановились в воздухе. Потом гигант начал разваливаться. Сначала плечи. Потом грудь. Потом голова. Огромные плиты падали в провал, где когда-то был сортировочный круг.

Последним упал его каменный подбородок.

Он ударился о пол и раскололся на две части.

Тишина вернулась не сразу.

Сначала был кашель. Потом крики раненых. Потом плач. Потом кто-то засмеялся — коротко, неверяще, почти безумно.

Тюрьма гномов ещё стояла.

Но её сердце было мёртво.

Я стоял посреди двора, весь в крови, пыли, пене и золотой грязи. В руках дрожали оба клинка. Рядом Гнарл опирался на жезл, хромя сильнее обычного. Его новый отряд был меньше, чем когда вошёл в пролом. Бурые держали мосты. Красные вырезали последних гномов, которые пытались добраться до аварийных рычагов. Зелёные открывали живые камеры и не трогали чёрные.

Саэр сидел у стены.

Живой.

Пальцы у него были разбиты до мяса.

Эйра и Эллари стояли вместе. Эллари держалась за плечо сестры, но не позволяла никому вести себя так, будто она слабая. Эйра плакала. Молча. Так, чтобы никто, кроме сестры, не видел.

— Хозяин, — сказал Гнарл. — Я правильно понимаю, что вы устроили бунт раньше штурма?

— Нет. Ты устроил штурм раньше бунта.

— Значит, мы оба виноваты.

— Хорошая новость: Кворн мёртв.

Гнарл посмотрел на тело Железнорукого.

— Плохая новость?

Я обвёл взглядом двор.

— Тюрьма была только дверью к шахте.

После победы началась работа.

И она была тяжелее боя.

Бой хотя бы честно говорит, кого надо ударить. После боя начинается всё мерзкое: кого можно спасти, кого уже нельзя, кого нельзя выпускать, даже если он плачет твоим голосом.

Мы открывали камеры живых.

Не все.

Саэр сидел у стены и командовал, потому что знал тюрьму лучше любого из нас. Он указывал пальцем:

— Эта. Эта. Эта — нет. Там выпившие. Та — только после воды. Эту не трогать, чёрная. Если слышите детский плач из чёрной — не верьте.

Один бурый не поверил.

Он подошёл к чёрной двери, за которой действительно плакал ребёнок.

Саэр крикнул, но поздно.

Из щели вылетела тонкая рука, схватила бурого за лицо и попыталась втянуть его через отверстие, слишком маленькое даже для головы. Красный перерубил руку, дверь забили обратно обломком рельса.

После этого Саэра слушали.

Мы не открыли камеры выпивших. Не открыли чёрные. Не открыли королевскую варку, пока Эллари не нашла записи и не убедилась, что внутри не живые, а уже перегнанные тела, приготовленные для тюремной химии.

Это была победа.

Но не красивая.

В живых камерах находили эльфов, людей, гномьих должников, тех, кого Голдо называл материалом. Некоторые выходили сами. Некоторых приходилось выносить. Некоторые не верили, что дверь открыта, и продолжали сидеть, пока их не брали за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.